

БАЛИНТ МАДЬЯР, БАЛИНТ МАДЛОВИЧ

Пост- коммунистические режимы

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА

библиотека
журнала

ПОЛИТОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

ТОМ

2

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Балинт Мадьяр

**Посткоммунистические режимы.
Концептуальная структура. Том 2**

«НЛО»

2022

УДК 316.325+94(439)«1989/201»
ББК 60.521.8

Мадьяр Б.

Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура.
Том 2 / Б. Мадьяр — «НЛО», 2022 — (Библиотека журнала
«Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2014-8

После распада Советского Союза страны бывшего социалистического лагеря вступили в новую историческую эпоху. Эйфория от краха тоталитарных режимов побудила исследователей 1990-х годов описывать будущую траекторию развития этих стран в терминах либеральной демократии, но вскоре выяснилось, что политическая реальность не оправдала всеобщих надежд на ускоренную демократизацию региона. Ситуация транзита породила режимы, которые невозможно однозначно категоризировать с помощью традиционного либерального дискурса. Балинт Мадьяр и Балинт Мадлович поставили перед собой задачу найти работающую аналитическую модель и актуальный язык описания посткоммунистических режимов. Так появилась данная книга, предлагающая обновленный теоретический инструментарий для анализа акторов, институтов и динамики современных политических систем стран Центральной Европы, постсоветского региона и Китая. Как в автократиях нейтрализуются институты демократического публичного обсуждения? Почему Китай можно назвать «диктатурой, использующей рынок»? В чем разница между западными популистами и популистами из посткоммунистических стран? Вот лишь небольшой список вопросов, на которые дает ответы эта книга. Балинт Мадьяр – венгерский социолог, политик, бывший министр образования и культуры Венгрии. Балинт Мадлович – венгерский политолог, экономист и социолог, MA in political science Центрально-Европейского университета.

УДК 316.325+94(439)«1989/201»

ББК 60.521.8

ISBN 978-5-4448-2014-8

© Мадьяр Б., 2022

© НЛО, 2022

Содержание

5. Экономика	7
5.1. Гид по главе	7
5.2. Реляционная экономика как полемика с неоклассическим синтезом	9
5.3. Реляция	14
5.3.1. Основные определения: реляция, сотрудничество, сговор	14
5.3.2. Сговор и коррупция: вариант типологии	17
5.3.2.1. Обоснование аналитической структуры[31]	17
5.3.2.2. Добровольная коррупция: коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и сговор, инициированный государственным органом	20
5.3.2.3. Принудительная коррупция: захват государства снизу вверх и сверху вниз и криминальное государство	26
5.3.3. Сравнительная типология коррупции: общие измерения и исследование проблемы трансформации коррупции на конкретном примере	33
5.3.3.1. Разделение сфер социального действия и прочие измерения	33
5.3.3.2. Типология брокеров-коррупционеров	37
5.3.3.3. От коррупционного риска до нормализации коррупции в госзакупках: пример Венгрии	41
5.3.4. Измерение масштабов коррупции, криминальная экосистема и роль коррупционных средств в выживании режима	48
5.3.4.1. Критика мировых показателей коррупции	48
5.3.4.2. Отношение криминального государства к несанкционированной противоправности	50
5.3.4.3. Криминальная экосистема: национальный и мировой уровень	55
5.3.4.4. Использование коррупционных средств: потребление, накопление и инвестирование в экономику и политику	58
5.3.5. Реляция в коммунистических диктатурах	60
5.3.5.1. Тотальное подчинение и три экономики	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Балинт Мадьяр, Балинт Мадлович
Посткоммунистические режимы.
Концептуальная структура. Том 2

THE ANATOMY OF POST-COMMUNIST REGIMES

A Conceptual Framework

Иллюстрация на обложке: © Picture by IADA on iStock

© Bálint Magyar, Bálint Madlovics, 2022

© Ю. Игнатьева, перевод с английского, 2022

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2022

© ООО «Новое литературное обозрение», 2022

5. Экономика

5.1. Гид по главе

В Главе 5 речь пойдет об **экономических феноменах, которые представлены в виде сравнительного анализа**. Этот анализ дан в тексте в соответствии с логикой Таблицы 5.1, которая содержит множество групп концептов, рассортированных по трем полярным типам из шести идеальных типов режимов нашей треугольной концептуальной схемы.

Глава 5 начинается с обсуждения термина «реляционная экономика», который является отправной точкой для анализа экономик шести режимов идеального типа. Суть реляционной экономики заключается в том, что государственные решения вытекают из отношений государственных и частных акторов, которые могут принимать как правовые формы, например формальное лоббирование, так и незаконные, например взяточничество и другие виды коррупции. В Части 5.3 представлена типология и анализ разновидностей сговора, включая типологию коррупции и типологию брокеров-коррупционеров. В этой же части мы также приводим (1) комплексный анализ трансформации коррупции в Венгрии (после того, как режим сменился с патрональной демократии на патрональную автократию), включающий в себя анализ больших объемов данных, (2) критику мировых показателей коррупции, (3) описание криминальной экосистемы, то есть того, как (криминальные и действующие в рамках закона) публичные акторы сосуществуют с (санкционированными и несанкционированными) криминальными публичными акторами, (4) анализ отношений в коммунистических диктатурах, включая блат или «экономику взаимных одолжений», и (5) культурное обоснование низовой коррупции и подобных отношений (таких как гуаньси в Китае) в посткоммунистическом регионе.

Таблица 5.1: Экономические феномены в трех полярных типах режимов (с названиями частей и глав)

	Либеральная демократия	Патрональная автократия	Коммунистическая диктатура
Реляция (Отношение)	отношения между экономическими и политическими элитами добровольны (лоббирование)	отношения между экономическими и политическими элитами принудительны (патронализм)	отсутствует
	представительство интересов	смещение интересов	подавление интересов
	добровольная коррупция; коррупция на свободном рынке	принудительная коррупция; криминальное государство	добровольная коррупция; блат (через членов номенклатуры)
	системоразрушающая коррупция	системообразующая коррупция	системосмазывающая коррупция
	нет санкционированной противоправности (только несанкционированная) в криминальной экосистеме	санкционированная + несанкционированная противоправность в криминальной экосистеме	нет санкционированной противоправности (только несанкционированная) в криминальной экосистеме
Государственное вмешательство	нормативное государственное вмешательство (минимальная амплитуда производства)	дискреционное государственное вмешательство (максимальная амплитуда производства)	отсутствует (центральное планирование)
	нормативно-закрытые рынки	дискреционно-закрытые рынки	отсутствует (нет частных рынков)
	получателями ренты являются группы интересов	получателями ренты являются патрональные сети	отсутствует (нет частного предпринимательства)
	общие + секторальные налоги	общие + секторальные + дискреционные налоги	отсутствует (нет налоговых поступлений из частной сферы в публичную)
	активные механизмы контроля (нейтральное надзорное вмешательство)	неисправные механизмы контроля (надзорное вмешательство как оружие)	отсутствует (бюрократическая координация экономики)
Собственность	происходит в результате приватизации при смене режима	происходит в результате посткоммунистического перераспределения собственности	происходит в результате коммунистической национализации
	рейдерский захват	централизованное корпоративное рейдерство	экспроприация
	имущественные права де-юре и де-факто совпадают; нормативное вмешательство в экзогенные имущественные права	имущественные права де-юре и де-факто не совпадают; дискреционное вмешательство в экзогенные имущественные права	имущественные права де-юре и де-факто совпадают; экзогенные имущественные права отсутствуют (монополия государственной собственности)
	покупатели и продавцы; обмен по рыночной стоимости	хищники и жертвы; захват по стоимости в фазе высасывания, в фазе охоты и по трофейной стоимости	отсутствует (нормативная экспроприация)
	частная собственность	власть-собственность	государственная собственность
Экономические системы	рыночная экономика; конкурентный рынок	реляционная экономика; реляционный рынок	командная экономика; административный рынок
	регулируемая рыночная координация	реляционное перераспределение рынка	бюрократическое распределение ресурсов
	капитализм	политический капитализм (мафиозный капитализм)	социализм

В Части 5.4 мы рассматриваем проблему государственного вмешательства. Излагая общие принципы для анализа государственного вмешательства в режимах с частными рынками, от либеральной демократии до патрональной автократии, мы объясняем, каким образом регуляционное и бюджетное вмешательство различаются в патрональных и непатрональных системах. Говоря о регуляционном вмешательстве, мы подробно раскрываем методы формирования и получения ренты в различных режимах, а также рассматриваем, как бюджетное вмешательство влияет на нормативные и дискреционные функции налогообложения и расходов.

Часть 5.5 посвящена понятию собственности. Она начинается с отступления, в котором мы рассказываем об истории политической реорганизации структуры собственности в посткоммунистическом регионе, а затем описываем различные методы и мотивы приватизации (при смене режима). После этого следует описание хищничества или изъятия неденежной частной собственности для личной выгоды в посткоммунистическом регионе в рамках концепции имущественных прав, а также проводится различие между экзогенными и эндогенными правами и рассматриваются методы, с помощью которых эти права нарушаются и/или распределяются. Здесь мы опираемся на существующую литературу о хищничестве, особенно на анализ Вахаби, посвященный «трофейной стоимости» объектов. Для нашего исследования мы расширили эту теорию, введя два новых термина: «стоимость в фазе выслеживания» и «стоимость в фазе охоты» (которая относится к соответствующей фазе хищничества).

Наконец, Часть 5.6 вносит вклад в литературу, посвященную сравнительному анализу экономических систем. В ней мы определяем доминирующий экономический механизм работы конкурентных рынков, то есть регулируемую рыночную координацию (с опорой на Корнаи), а также различаем два типа перераспределения (с опорой на Поланы): бюрократическое перераспределение ресурсов, то есть доминирующий экономический механизм административных рынков, и реляционное перераспределение рынка, то есть доминирующий экономический механизм реляционных рынков. После этого следует описание корректирующих механизмов плановой экономики (в коммунистических диктатурах), деформирующих механизмов рыночной экономики (в либеральных демократиях) и аннексионных механизмов, которые трансформируют конкурентные рынки в реляционные (в патрональных автократиях). Эта часть также включает в себя описание модифицирующих механизмов реляционных рынков (таких как финансовые махинации) наряду с анализом экономик, присущих трем режимам промежуточного типа. В частности, мы посвящаем значительный раздел динамическому балансу трех экономических механизмов в диктатурах с использованием рынка (и в качестве хрестоматийного примера приводим Китай). Завершается глава обсуждением типов политического капитализма, начиная от «капитализма для корешей» и заканчивая мафиозным, а также освещением обоснованности этих концептов в целом и кратким изложением некоторых нюансов этой главы.

5.2. Реляционная экономика как полемика с неоклассическим синтезом

Сравнительный анализ экономических феноменов удобнее всего проводить в рамках принципов толкования экономической теории. Такие явления, безусловно, уже были описаны посредством экономических теорий, а экономические модели, разработанные для конкретных ситуаций, точно описывают процессы и поведение участвующих в них акторов. Но даже если их допущения несколько расходятся с реальностью, эти модели могут все же быть иллюстративны в том смысле, что их можно использовать в качестве приблизительного ориентира или точки отсчета для понимания общей логики экономических явлений, ведь, по меткому выражению экономиста-статистика Джорджа Бокса, «все модели ошибочны, но некоторые из них полезны»¹. В этом отношении модели в общем-то похожи на идеальные типы. Отсюда следует, что для осмысления посткоммунизма должны применяться наиболее близкие к реальным режимам идеальные типы, и таким же образом могут быть найдены экономические теории, которые наиболее близки к реалиям этого региона².

Начиная со второй половины XX века, центральной темой экономической мысли была полемика с фундаментальными представлениями. **Отправной точкой для экономистов стал «ортодоксальный» неоклассический синтез**, объединивший микроэкономiku (анализ отдельных экономических акторов и их рыночного взаимодействия) и макроэкономiku (анализ общенациональных экономических явлений и международной торговли) в единое целое экономической теории³. В последние десятилетия в экономической литературе появился ряд новых, так называемых **неортодоксальных школ экономической мысли**, которые, впрочем, сохраняют микро-макроструктуру, но ставят под сомнение аксиоматические допущения, присущие моделям неоклассического синтеза⁴.

Экономическая теория, которую мы используем, также является неортодоксальной. Мы называем ее «реляционная экономика», и, насколько нам известно, отдельная школа экономической мысли обозначается этим термином впервые. Кроме того, теории, которые мы включаем в это понятие, обычно не связаны друг с другом, несмотря на то, что они действительно представляют собой последовательную полемику с неоклассическим синтезом. Мы можем это показать, поместив реляционную экономику в ряд других неортодоксальных экономических школ. Для целей нашей структуры не требуется приводить полный список этих школ. Нас интересуют только те из них, что находятся в одной «лиге» с реляционной экономикой, то есть те, что **ставят под сомнение одну из основных аксиом неоклассического синтеза**. Мы выделяем три такие аксиомы, которые касаются (1) экономических акторов, (2) рынка, состоящего из обмена между акторами, и (3) государства (Схема 5.1)⁵.

Схема 5.1: Три возражения против неоклассического синтеза, которые ставят под сомнение три его основные аксиомы

¹ Box G., Draper N. Empirical Model-Building and Response Surfaces. New York: Wiley, 1987. P. 424.

² Поиск подходящей теории является принципиально важным моментом для экономистов, если необходимо провести экономический анализ региона. Однако мы хотим прояснить, что главная цель этой главы – не экономический анализ, а создание однозначных средств выражения для проведения такого анализа [♦ Введение].

³ Подробнее об этом см. фундаментальный труд: Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. М.: Вильямс, 2012.

⁴ Colander D., Holt R., Rosser B. Jr. The Changing Face of Mainstream Economics // Review of Political Economy. 2004. Vol. 16. № 4. P. 485–499.

⁵ Подробнее на эту тему см.: Mearman A., Berger S., Guizzo D., eds. What Is Heterodox Economics? Conversations with Leading Economists. New York: Routledge, 2019.

• **Поведенческая экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому об экономических акторах, то есть о рациональности их выбора.** Проще говоря, рациональность в экономике означает, что принимается то решение, которое приносит максимальную прибыль (и минимальные затраты). Модели неоклассической микроэкономики подразумевают, что люди рациональны, потому что (1) поведенческие отклонения от рациональных вариантов решения случайны и в итоге статистически дополняют друг друга, и (2) те, кто ведет себя иррационально, несут потери и в перспективе оказываются вытеснены с рынка, то есть иррациональные акторы перестают быть его участниками, а наполняют его именно рациональные акторы⁶. Поведенческая экономика ссылается на психологию и утверждает, что иррациональность не случайна, но закономерна, и функционирование рынков определяют, как правило, такие явления, как эвристика и когнитивные искажения (боязнь потери / *loss aversion*, создание условий / *framing*, эффект «якоря» / *anchoring* и т. д.)⁷. Поэтому поведенческая экономика считает, что в экономических моделях неоклассическая аксиома рациональности должна быть сформулирована с учетом так называемой **ограниченной рациональности**.

• **Институциональная экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому о рынке, то есть о том, что обмен происходит на основе спроса и предложения.** Неоклассический синтез утверждает, что всякий раз, когда (1) участник рынка имеет А и оценивает его дешевле, чем В, и (2) другой участник рынка имеет В и оценивает его дешевле, чем А, между ними происходит добровольный обмен А на В. Это объясняется тем, что первый участник считает выгодным обмен своего менее ценного А на более ценный В, и наоборот, другой предпочтет обменять менее ценный для него В на более ценный А⁸. Инсти-

⁶ Friedman D. The Methodology of Positive Economics // Essays in Positive Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 3–43.

⁷ См. научно-популярные издания о поведенческой экономике: *Ариели Д.* Позитивная иррациональность: Как извлекать выгоду из своих нелогичных поступков. М.: Альпина Паблишер, 2019; *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014; *Талер Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: Эксмо, 2017.

⁸ *Varian H. R.* Intermediate Microeconomics: a Modern Approach. New York: W. W. Norton & Company, 2014. P. 15–17, 582–590.

туциональная экономика утверждает, что это не всегда так (1) из-за наличия или отсутствия институтов (таких как имущественные права, договоры и социальные нормы), а также (2) из-за транзакционных издержек, то есть всего, что стоит на пути добровольного обмена между людьми⁹. Таким образом, институциональная экономика считает, что неоклассическую аксиому о том, что только личные предпочтения или спрос и предложение регулируют распределение ресурсов, **необходимо дополнить акцентом на существующие и меняющиеся ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие**¹⁰.

• **Реляционная экономика ставит под сомнение неоклассическую аксиому о государстве, то есть о том, что его роль заключается в исправлении фиаско рынка (*market failure*)**. Основываясь на принципе рациональности, неоклассическая микроэкономика приходит к выводу, что государство должно вмешиваться в свободный рыночный обмен, только когда рынок терпит фиаско, то есть когда рациональность индивидов не приводит к рациональности группы (когда каждый человек принимает правильное решение, а группа при этом принимает неправильное решение)¹¹. Наиболее распространенными примерами здесь служат загрязнение окружающей среды и недопроизводство общественных благ, таких как уличные фонари и дамбы. Расширяя определение фиаско рынка, макроэкономика добавляет, что для исправления общенациональных провалов, таких как экономические кризисы, инфляция и безработица, необходимо вмешательство государства¹².

Реляционная экономика полагает, что предписания о том, куда должно вмешиваться государство, игнорируют фактические механизмы политики и ошибочно подразумевают, что, если государство вмешивается, то оно теоретически применяет оптимальные меры, выработанные экономистами. Вместо необоснованных предположений о «всезнающем великодушном диктаторе»¹³ реляционная экономика утверждает, что (1) политики ведут себя так же, как все другие люди, и как и экономические акторы, могут быть более или менее меркантильны, (2) их мотивации формируются в русле взаимоотношений публичных и частных акторов, и (3) таким же образом принимаются политические решения¹⁴. Следовательно, реляционная экономика **считает необходимым** расширить неоклассическую аксиому, рассматривающую государство как институт исправления рыночных фиаско, **дополнив ее анализом реально существующих процессов и феноменов (взаимосвязей), которые влияют на принятие государственных решений**, а также анализом последствий этих решений с точки зрения взаимосвязей.

Помимо того, что все три упомянутые неортодоксальные школы оспаривают базовые неоклассические аксиомы, между ними есть еще два сходства. Во-первых, все они утверждают, что неоклассическая мысль, опирающаяся на методологический индивидуализм, не учла, что на предпочтения и действия индивидов может влиять группа, и в силу этого она тоже должна быть предметом экономического анализа¹⁵. Во-вторых, что более важно для нашей книги, **все**

⁹ Coase R. The Problem of Social Cost // The Journal of Law & Economics. 1960. № 3. P. 1–44; North D. C. Transaction Costs, Institutions, and Economic History // Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. № 1. P. 7–17.

¹⁰ Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. 2000. Vol. 38. № 3. P. 595–613.

¹¹ Friedman D. Market Failure: An Argument For and Against Government // The Machinery of Freedom: Guide to a Radical Capitalism. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2015. P. 256–261.

¹² Acocella N. The Foundations of Economic Policy: Values and Techniques. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 122–171.

¹³ Holcombe R. Make Economics Policy Relevant: Depose the Omniscient Benevolent Dictator // The Independent Review. 2012. Vol. 17. № 2. P. 165–176.

¹⁴ Holcombe R. Political Capitalism, 2015.

¹⁵ Tomer J. What Is Behavioral Economics? // The Journal of Socio-Economics. 2007. Vol. 36. № 3. P. 463–479; Hodgson G.

три направления обращают внимание на реальность, то есть на реальное положение дел участников рынка, структурирующих рынок социальных институтов и государственных акторов. Они призывают включить эти идеи в экономическую теорию, чтобы она лучше отражала эмпирическую реальность¹⁶.

В рамках нашей структуры **наиболее подходящей для посткоммунистического региона теорией является именно реляционная экономика**. Это не означает, что идеи других школ (или других неортодоксальных школ, которые мы не упомянули) не могут применяться для анализа этих стран. Скорее мы утверждаем, что реляционная экономика может дать наиболее полное представление о функционировании посткоммунистических режимов, поскольку **другие, представленные выше направления экономической мысли не могут описывать государства, которые руководствуются принципом элит**. Следовательно, пока мы относимся к государству как к великодушному актору, который исправляет фиаско рынка и служит общему благу, исключается сама возможность того, что государство исходит не из принципа общественных интересов. Однако, как мы отмечали в Главе 2, государства в посткоммунистическом регионе (и в частности, мафиозные государства) часто реализуют принципы интересов элит, и игнорирование этого факта не позволило бы точно описать посткоммунистические режимы.

Можно возразить, что «реляционная экономика» – это избыточный неологизм. В конце концов, теория общественного выбора уже отвергает неоклассическую аксиому о государстве, когда утверждает, что альтернативой свободному рынку любых продуктов или услуг является «политический рынок», а ответ на вопрос о том, дает ли он тот желаемый результат, которого не может достичь частный рынок, зависит от угла зрения¹⁷. Кроме того, мы используем множество уже существующих теорий о получении ренты, регуляционном вмешательстве, хищничестве и коррупции. Зачем нужен новый термин? Во-первых, в отличие от теории общественного выбора **реляционная экономика представляет собой не экономический анализ политических процессов, но политический анализ экономических процессов**¹⁸. Говоря точнее, нас интересует то, как функционирует экономика, которая испытывает значительное воздействие нормативных актов и других типов государственного вмешательства, и чем она отличается от экономики в режимах с иной степенью разделения сфер социального действия. В определенном смысле реляционная экономика – это направление политической экономии, которое сочетает в себе сравнительный анализ режимов и экономический анализ. С помощью первого можно описать формальные и неформальные отношения публичных и частных акторов в шести режимах идеального типа, а второй опирается на это описание для анализа функционирования экономики.

Во-вторых, и это более важно, реляционная экономика – это общая отправная точка для теорий о получении ренты, коррупции и так далее, она направляет их в одно русло, где те в свою очередь становятся отправными точками для более масштабной теории. Другими словами, **«реляционная экономика» – это всеобъемлющая концепция, в которой теории, разработанные для западных экономик, можно расширить и применять для анализа посткоммунистических режимов** или политических систем, где сферы социального действия не отделены друг от друга, а акторы объединяются в неформальные патрональные сети.

The Approach of Institutional Economics // Journal of Economic Literature. 1998. Vol. 36. № 1. P. 166–192; Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 44–71.

¹⁶ Неудивительно, что этим неортодоксальным школам есть чему друг у друга поучиться: институциональная экономика берет на вооружение идею ограниченной рациональности, а реляционная экономика в значительной степени опирается на теорию транзакционных издержек.

¹⁷ Подробнее на эту тему см. основополагающую работу: Buchanan J., Tollison R. The Theory of Public Choice – II. University of Michigan Press, 1984.

¹⁸ Теория общественного выбора тесно связана с теорией рационального выбора в политологии. См.: Dunleavy P. Democracy, Bureaucracy and Public Choice: Economic Approaches in Political Science. New York: Routledge, 2016.

Если быть более точным, теории общественного выбора были разработаны в США и в основном анализировали западные правительства, влияние крупного бизнеса на политику и экономические и социальные последствия государственного фаворитизма¹⁹. Осмысляя экономические феномены в трех режимах полярного типа, можно начать с литературы о формальных и добровольных отношениях и провести анализ неформальных и принудительных отношений в патрональных режимах. Таким образом, **вертикальные отношения патрон – клиент можно проанализировать по аналогии с горизонтальными непатрональными отношениями**, что позволит нам различить их и сформулировать важные выводы об экономике в посткоммунистическом регионе. В следующей части мы рассмотрим основные виды этих отношений и дадим типологию коррупции, обозначив перед этим, чем она отличается от действий, не ведущих к формированию коррупционных отношений, например лоббирования.

¹⁹ Две работы, которые анализируют одни и те же феномены с разных идеологических позиций: *Стиглиц Дж.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015; *Stockman D.* The Great Deformation: The Corruption of Capitalism in America. New York: Public Affairs, 2013.

5.3. Реляция

5.3.1. Основные определения: реляция, сотрудничество, сговор

В разговорном языке «реляция» означает связь, отношения. Для нашей структуры мы приводим более узкое определение этого понятия, исключая те явления, которые находятся за пределами сферы реляционной экономики:

♦ *Реляция* – это тип отношений между людьми, который является неформальным / незаконным и/или связывает людей, формально принадлежащих разным сферам социального действия.

Хотя в существующей литературе нет стройной концепции реляции, а области знания, которые мы объединили в отдельную школу экономической мысли, не рассматриваются как единое целое, «Политический капитализм» Рэндалла Дж. Холкомба является здесь важным исключением²⁰. Холкомб не использует термин «реляционная экономика», но закладывает для нее фундамент, разрабатывая теорию «политического капитализма». Его основной вклад состоит в объединении таких общепризнанных концепций, как теория общественного выбора и теория элит, в последовательную экономическую теорию, которая описывает механизм принятия экономических решений в целом и объясняет, почему определенные группы имеют для государства больший приоритет, чем другие (см. Текстовую вставку 5.1). Анализируя США и их развитую систему лоббирования, Холкомб отмечает, что в либеральных демократиях, где сферы социального действия отделены друг от друга, существуют веские основания экономического характера, согласно которым в процессе принятия политических решений экономическая элита сотрудничает с политической. По его мнению, демократические общества делятся на два класса: «массы» и «элиты», а основным различием между ними являются транзакционные издержки участия в принятии политических решений. В либеральных демократиях интересы масс могут представлять (а) избранные, преданные идее политики, (b) организованные группы интересов, включая лоббистов, или (c) они сами, посредством выборов. Можно с уверенностью утверждать, что в режимах такого типа у людей есть средства и стимулы участвовать в политической жизни, если они чувствуют, что их интересы не представлены, и в конечном счете – в духе неоклассической экономической теории – «равновесие политически активных групп» поддерживается, если эти акторы постоянно вовлекаются в политическое участие²¹. Но, как отмечает Холкомб, для политического участия, то есть для реализации пунктов (a), (b) или (c), необходимо мобилизовать и организовать большое количество людей, у каждого из которых мало для этого стимулов. Это связано с тем, что (1) индивидуально они почти ни на что не могут рассчитывать и/или (2) они практически не влияют на результат и в случае групп интересов получают преимущества успешного лоббирования независимо от участия («бесплатная езда»). Следовательно, по мнению Холкомба, массы являются группой с высокими транзакционными издержками. Элиты же – это группа с низкими транзакционными издержками, потому что они являются либо политиками, либо членами экономической элиты, то есть представляют собой относительно небольшой круг людей, каждый из которых может извлечь более крупную выгоду из благоприятных нормативных актов и чье индивидуальное участие имеет больше веса в процессе лоббирования, чем участие одного гражданина из миллионов²². В результате мы получаем систему, в которой всякий раз, когда возникает вопрос, кому стоит отдать пред-

²⁰ Holcombe R. Political Capitalism, 2018.

²¹ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. С. 250–253.

²² Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 72–96.

почтение и за чей счет элиты принимают решение, которое приносит им выгоду, распределяя издержки среди масс. «Экономическая элита, – пишет Холкомб, – влияет на экономическую политику правительства и стремится к тому, чтобы нормативные акты, государственные расходы и структура налоговой системы использовались для поддержания ее статуса в экономике», тогда как «политическая элита, реализующая эти меры <...>, находит поддержку среди экономической элиты, которая помогает первой сохранять свой статус <...>. Элиты сотрудничают, чтобы использовать свою политическую и экономическую власть в целях сохранения своих позиций на вершине политической и экономической иерархий»²³.

Текстовая вставка 5.1: Теоретические основы реляционной экономики

Теория элит, разработанная социологами и политологами, описывает способность элит объединяться в сети, чтобы управлять политическими и экономическими институтами в своих интересах. Однако эта теория практически не объясняет механизмы, с помощью которых элиты осуществляют это управление. Теория общественного выбора заполняет этот пробел посредством входящих в нее теорий, касающихся групп интересов, поиска ренты и нормативного захвата, которые описывают применяемые элитой механизмы. Однако теория общественного выбора, которая при анализе принятия политических решений использует индивидуалистский подход, не рассматривает тот факт, что элиты способны получать ренту и захватывать нормативные органы. Теория элит заполняет этот пробел, поэтому в комплексе теория элит и теория общественного выбора в контексте политических процессов объясняют, кто извлекает выгоду из политического процесса и какие механизмы они используют для получения этих выгод. Строительные блоки теории политического капитализма хорошо известны в общественных науках²⁴.

С точки зрения отношений (или реляций), в этой теории есть три важных аспекта. Во-первых, мы (как и Холкомб) не случайно использовали слово «класс», ведь в рыночной экономике либеральных демократий **формирование групп тех, кто получает выгоды, и тех, кто несет издержки, является рыночным феноменом**. Даже если Холкомб и не уделяет чрезмерного внимания экономике транзакционных издержек, и мы полагаем, что коллективные действия и поведение избирателей не зависят исключительно от индивидуального анализа затрат и выгод²⁵, ясно, что (1) наличие или отсутствие определенных групп интересов не является результатом добровольного решения участвующих сторон. Кроме того, (2) тогда как «массы» или неорганизованные группы имеют возможность голосовать и выбирать в конце каждого срока, кого они хотят, организованные группы интересов могут на повседневной основе влиять на принятие решений и тратить на это больше ресурсов, чем обычные люди, и (3) бизнес-группы имеют чрезвычайно большое влияние на процесс принятия демократических решений²⁶. Таким образом, из логики рынка или его «невидимой руки» [♦ 2.6] вытекает,

²³ Ibid. P. 1.

²⁴ Holcombe R. Political Capitalism: How Economic and Political Power Is Made and Maintained. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 170.

²⁵ См. пример конструктивной критики этого метода: Green D., Shapiro I. Pathologies of Rational Choice Theory: A Critique of Applications in Political Science. Yale University Press, 1994.

²⁶ Gilens M., Page B. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12. № 3. P. 564–581; Dal Bó E. Regulatory Capture: A Review // Oxford Review of Economic Policy. 2006. Vol. 22. № 2. P. 203–225.

какие группы частных акторов формируют более прочные отношения с публичной сферой или какие из них могут направить процесс принятия политических решений в благоприятное для них русло.

Второй аспект, который тесно связан с первым, заключается в том, что **отношения между политической и экономической элитами являются добровольными** и взаимовыгодными. Кроме того, в либеральных демократиях идеального типа лоббирование, как правило, является законным и регулируемым, что делает реляцию прозрачной для общественности²⁷. Наконец, третий аспект, который необходимо отметить на основании работы Холкомба, заключается в том, что **вознаграждение этих двух элитных групп служит укреплению их формальных позиций в каждой из отделенных друг от друга социальных сфер, к которым они принадлежат** [♦ 3.2]. Другими словами, хотя элиты и сотрудничают, акторы не пересекают границы сфер социального действия друг друга: **предприниматели не становятся в том числе политиками, а политики не становятся предпринимателями**. Добиваясь выгодных для себя правовых норм, члены экономической элиты не становятся частью элиты политической [♦ 3.7.1.1]. Конечно, экономическая элита имеет огромное влияние на процесс принятия политических решений, и в либеральных демократиях идеального типа могут существовать такие институты, как Американский законодательный совет (*ALEC*), в рамках которого члены законодательного собрания и участники частного сектора сотрудничают в разработке типовых законопроектов, которые могут быть внесены для обсуждения в законодательных органах штатов²⁸. Однако даже в этом случае правительственные решения принимаются не главными предпринимателями, а политиками, которые могут свободно отклонять предложения лоббистов и органов примирения так же, как и свободно игнорировать попытки влияния неэлит. Если они принимают эти предложения, то, как правило, это подразумевает добровольный обмен нормативных актов на взносы в пользу избирательной кампании либо (относительно незначительные) личные выгоды²⁹, которые используются в процессе принятия политических решений и/или не превращаются в производственный капитал либо частные экономические единицы (компании и т. д.). Таким образом, члены политической элиты не становятся частью экономической элиты: сферы социального действия взаимосвязаны, но при этом остаются отделены друг от друга.

Мы называем тип добровольных отношений, которые служат укреплению формального положения участников в отделенных друг от друга социальных сферах, к которым они принадлежат, «сотрудничеством»:

♦ *Сотрудничество* – это тип реляции, при котором актор или группа акторов, де-факто и де-юре принадлежащих к экономической сфере, и актор, де-факто и де-юре принадлежащий к политической сфере, устанавливают добровольные и формальные / законные связи.

Холкомб использует термин «сговор» для описания сотрудничества экономических и политических элит на взаимовыгодной основе³⁰. Однако добровольные отношения, которые он анализирует, осуществляются через лоббирование, то есть формальный и легализованный процесс. В нашем понимании «сговор» подразумевает более неформальные отношения:

²⁷ Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 76–77. Ср.: McGrath C. Lobbying in Washington, London, And Brussels: The Persuasive Communication of Political Issues. Lewiston, N. Y.: Edwin Mellen Pr, 2005.

²⁸ Greeley B., Fitzgerald A. Pssst ... Wanna Buy a Law? // Bloomberg Businessweek. 02.12.2011. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-12-01/pssst-dot-wanna-buy-a-law>. Также см.: Pogátsa Z. A Neoliberalizmus Politikai Gazdaságtana [Политическая экономия неолиберализма] // Neoliberalis Hegemónia Magyarországon: Elemzés És Kritika [Неолиберальная гегемония в Венгрии: анализ и критика]. Budapest: Noran Libro, 2019. P. 50–73.

²⁹ Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 78; Pogátsa Z. A Neoliberalizmus Politikai Gazdaságtana [Политическая экономия неолиберализма]. P. 58–59. Что касается «относительно незначительных» выгод, то здесь Холкомб приводит в пример трудоустройство члена семьи в индустрии, где заняты лоббисты. Такая выгода очевидным образом не сопоставима с богатством полигархов и их приемных политических семей (см. Текстовую вставку 3.1 [♦ 3.3.3]).

³⁰ Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 1.

◆ **Сговор** – это тип реляции, при котором актер или группа акторов, формально принадлежащих к экономической сфере, и актер или группа акторов, формально принадлежащих к политической сфере, устанавливают неформальные / незаконные связи.

Три принципиально важные особенности отличают сговор от сотрудничества. Во-первых, участвующие в нем стороны принадлежат к формально разделенным социальным сферам, которые могут быть связаны неформально. Во-вторых, реляция между двумя элитами может быть как добровольная, так и принудительная. Если сделка добровольная, экономика отношений мало чем отличается от ситуации, описанной Холкомбом: для добровольного установления связи обе стороны должны предложить друг другу что-то ценное. Такие отношения, где ни одна из сторон не может принудить другую к обмену (**свободный вход**) или заставить ее продолжать совершать обмен (**свободный выход**), можно описать как **горизонтальные** и **непатрональные**. Однако если транзакция принудительна, экономика отношений значительно отличается, поскольку тогда на наличие связи влияет исключительно расчет затрат и выгод агрессора. Такие отношения, в которых одна сторона может заставить другую совершить обмен (**несвободный вход**) и продолжать в нем участвовать (**несвободный выход**), можно описать как **вертикальные** и **патрональные**. Таким образом, в случае принудительных транзакций **отношения политических и экономических элит представляют собой вне рыночный феномен**, который не подчиняется логике свободного рынка. Формирование группы внутри сети бенефициаров является **результатом не невидимой руки рынка, а видимой руки патрона**. Если участников связывают неформальные, а также принудительные отношения, члены экономической элиты становятся частью политической (см. олигархи [◆ 3.4.1]), а члены политической, в свою очередь, становятся частью экономической элиты (см. полигархи [◆ 3.3.3]).

5.3.2. Сговор и коррупция: вариант типологии

5.3.2.1. Обоснование аналитической структуры³¹

Как было упомянуто выше, реляция и коррупция тесно взаимосвязаны. Мы используем определение коррупции, приведенное в Части 2.4.4, то есть понимаем под ней «злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды». «Вверенные полномочия» в данном контексте означают власть, формально делегированную государственным институтам, а «злоупотребление» этой властью происходит тогда, когда она используется в личных целях (обычно незаконно). Это может происходить с вовлечением частных лиц или по их заказу, то есть через частно-государственный сговор. Несомненно, **результатом такого сговора является коррупция, как следует из ее определения**. Однако коррупция может иметь место и без всякого сговора, как в случае с хищением³². Но все же несмотря на то, что этот внутренний тип коррупции встречается в посткоммунистическом регионе, по своей сути он мало отличается от похожих явлений, присущих и западным режимам. Поэтому именно на примере коррупционного сговора можно исследовать различия на уровне идеальных типов, которые, в свою очередь, обусловлены степенью разделения сфер социального действия.

Чтобы смоделировать коррупцию, нам необходимо подвергнуть ее определение «социологической дезагрегации», то есть выделить ключевые элементы и измерения, по которым

³¹ Данная попытка систематизации и типологизации коррупции ставит во главу угла структуру этого феномена. Пример функционалистской типологии (части тех же явлений, которые исследуем мы) можно найти: Jávora I., Jancsics D. Corrupt Governmental Networks // International Public Management Journal. 2012. Vol. 15. № 1. P. 62–99.

³² Vargas-Hernández J. G. The Multiple Faces of Corruption: Typology, Forms and Levels // Organizational Immunity to Corruption: Building Theoretical and Research Foundations. 2013. P. 134.

могут различаться разные типы коррупции. Одну из таких дезагрегаций проводит Диего Гамбетта, который интерпретирует коррупцию как **проблему принципала-агента**³³. Он утверждает, что в коррупцию вовлечены три основных актора: **доверитель** (Д), который является принципалом и наделяет кого-то властью; **поверенный** (П), который является агентом, наделяемым властью; и **развратитель** (Р), который инициирует коррупционный обмен, чтобы добиться реализации своих личных интересов через получение «определенных ресурсов, на предоставление которых П не получал от Д разрешения в рамках их договоренности»³⁴. Внутри этой конструкции главным нарушителем является П, который злоупотребляет своим положением ради личной выгоды, игнорируя волю своего принципала Д, наделившего его властью (именно поэтому коррупция считается одним из проявлений проблемы принципала-агента). Гамбетта также отмечает, что развратитель и поверенный могут быть как двумя разными лицами, например при получении взятки, так и одним и тем же человеком (П = Р), как в случае с уже упомянутым выше хищением, когда поверенный решает злоупотребить своим положением ради получения выгоды для себя и ни для кого иного³⁵.

Несмотря на свою очевидную интеллектуальную ценность, модель, предложенная Гамбеттой, не рассматривает случаи, когда **официальное лицо одновременно является и агентом, и принципалом**. В то же время внутри государственного бюрократического аппарата только те, кто находятся в самом низу, могут считаться агентами в чистом виде, а идеальными принципалами могут быть только люди на самом верху³⁶. Все, кто находятся посередине, являются (прямыми или опосредованными) принципалами тех, кто под ними, а также (прямыми или опосредованными) агентами тех, кто находится выше в иерархии.

Отсюда вытекают две проблемы, в связи с которыми множество разновидностей коррупционного сговора, присущих посткоммунистическому региону, не может быть описано в простой конструкции принципала – агента. Во-первых, если мы определяем коррумпированного актора как только лишь агента, а его непосредственного начальника – как его принципала, то ситуация лишается контекста того государства, в котором совершается акт коррупции. Контекстный анализ должен учитывать, что актер является как принципалом, так и агентом, и в связи с этим необходимо помещать его на соответствующий уровень государственной иерархии. Если этого не делать, то мы получим бесконтекстный анализ коррупции, при котором ее сравнительная типология, возникающая на разных уровнях государственной иерархии, становится невозможной. Вторая, тесно связанная с первой проблема заключается в том, что конструкция Гамбетты исключает возможность сетевой коррупции, поскольку фокусируется только на трех типах акторов. Так, если П в рамках иерархической структуры государства находится не в самом ее низу, то есть не является только лишь агентом, но также и Д, он может использовать своих подчиненных (своих П) в качестве посредников для содействия в коррупционной сделке³⁷. Иначе говоря, можно сказать, что эта вторая проблема исключает возможность того, что **доверитель может быть также и развратителем**, что особенно распространено в посткоммунистическом регионе, где коррупция навязывается сверху вниз.

В теории более сложная модель принципала – агента может охватить случаи сетевой коррупции на уровне государства. Однако мы полагаем, что на практике для создания наиболее

³³ *Gambetta D.* Corruption: An Analytical Map // *Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook*. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 33–56. Еще одним выдающимся примером работы по неинституционалистскому моделированию коррупции, безусловно, является: *Groenendijk N.* A Principal-Agent Model of Corruption.

³⁴ *Gambetta D.* Corruption: An Analytical Map. P. 35.

³⁵ *Ibid.* P. 40–41.

³⁶ Но в демократических режимах они, конечно, являются и агентами тоже – агентами людей, избравших их в качестве своих представителей. См.: *Katz R.* No Man Can Serve Two Masters: Party Politicians, Party Members, Citizens and Principal – Agent Models of Democracy // *Party Politics*. 2014. Vol. 20. № 2. P. 183–193.

³⁷ Ср.: *Jávor I., Jancsics D.* Corrupt Governmental Networks.

прозрачной типологии посткоммунистической коррупции необходимо построить аутентичную **аналитическую структуру**. Для этого следует начать с **акторов**, принимающих участие в коррупционной сделке, учитывая (1) как частных, так и публичных акторов, при условии, что нас интересует коррупционный сговор, а также (2) иерархию публичных акторов. Исходя из этого, можно выделить три типа акторов по уровню их формальной позиции: **частные акторы, административные служащие и правительственные акторы**. Два последних типа принадлежат к сфере политического действия, однако крайне важно отделять их друг от друга, поскольку государственное администрирование (бюрократия) осуществляет законы, контролирует их соблюдение и участвует в регулярной работе государственных институтов, тогда как правительственные акторы создают законы и регулируют государственное администрирование³⁸. Все три уровня формальных позиций можно разделить на подуровни, однако для нашего исследования следует провести единственное различие: между **акторами**, принадлежащими к **элитам** и принадлежащими к **неэлитам**. Общее определение элит и неэлит можно найти в начале Главы 2 [♦ 2.2.2]. Здесь же нас интересует отличие между ними в зависимости от трех упомянутых выше уровней:

- **среди частных акторов** неэлитами являются обычные граждане либо мелкие или средние предприниматели, а элитами – главные предприниматели или олигархи;
- **среди административных служащих** неэлиты – это чиновники, задача которых быть в непосредственном, повседневном контакте с частными гражданами, тогда как элиты – это начальники чиновников из неэлит (то есть главы правительственных департаментов или государственных организаций, которые с точки зрения граждан остаются в тени);
- **среди правительственных акторов** неэлиты – это члены законодательных или контрольно-надзорных органов местного самоуправления, которые не являются частью исполнительной власти, тогда как элиты – это главы центрального или местного правительства, такие как мэр, премьер-министр или президент³⁹.

С точки зрения Гамбетты, частные акторы могут быть только развратителями (Р), административные служащие из неэлит могут быть развратителями или поверенными (Р и/или П), а все остальные акторы могут быть развратителями, поверенными или доверителями (Р, П и/или Д). В категориях сфер социального действия «частные акторы из элит» во многом синонимичны «экономической элите», хотя они могут включать акторов из элит, принадлежащих к общинной социальной сфере. Кроме того, частные неэлиты включают в себя неэлиты из экономической и общинной сфер социального действия (таких как граждане). Что касается государственного сектора, правительственные акторы входят в политические элиты, а административные служащие – в политические неэлиты.

Из нашего определения сговора следует, что вторая, важная в рамках аналитической структуры особенность коррупционного сговора – это тип **неформальных / незаконных отношений** между акторами. Мы можем классифицировать их по **трем измерениям**. Первое – это **роль актора** в коррупционных сделках: он может быть либо (а) **запрашивателем**, который инициирует акт коррупции; либо (б) **поставщиком**, который злоупотребляет своим формальным положением; либо (с) **посредником**, который выполняет определенные задачи для любой из сторон и/или обеспечивает проведение коррупционной сделки (часто в качестве агента поставщика). Опять же, с точки зрения Гамбетты, запрашиватель – это Р, тогда как поставщик и посредник – это две разновидности П: поставщик – это П, который добровольно

³⁸ Отсюда вытекает различие «административная коррупция» и «захват государства» в литературе о коррупции. См.: Knack S. Measuring Corruption: A Critique of Indicators in Eastern Europe and Central Asia // Journal of Public Policy. 2007. Vol. 27. № 3. P. 256.

³⁹ В либеральных демократиях в число государственных акторов, принадлежащих к элите, также входят лидеры правящих партий, которые не являются членами парламента.

вступает в коррупционную связь, а посредник – это тот, кто получает указания от своего Д⁴⁰. Кроме того, учитывая точку зрения Гамбетты о том, что П и Р могут быть одним и тем же человеком, стоит признать, что один актер может выполнять несколько ролей и быть запрашивателем и поставщиком одновременно. Это тот случай, когда кто-то использует свою формальную должность для построения коррупционной сети при условии, что на этом уровне коррупция монополизирована. Те, кто находятся ниже коррумпированного актора в иерархии, получают указания действовать в целях обеспечения коррупции, но им запрещено отвечать на какие-либо коррупционные требования для личной выгоды.

«Товар», который поставляют поставщики (и который запрашивают запрашиватели) – это дискреционное отношение со стороны государственных институтов, которое по закону должно быть нормативным и расценивать всех одинаково. Дискреционный подход может привести к (а) прямым выгодам, таким как получение лицензии или заключение госконтракта по завышенной стоимости, и в таком случае поставщик приносит выгоду в один прием, игнорируя требования закона для предоставления такой выгоды, либо (б) к косвенным выгодам, когда влиятельный актер (например, правительственный актер из элит) заставляет кого-то другого приносить выгоду запрашивателю. Крайне важно отметить, что одна из косвенных выгод, которые приносят поставщики, – это **крыша** [♦ 3.6.3.1], которая в этом контексте подразумевает **отключение механизмов контроля на дискреционной основе**. Другими словами, поставщик, особенно если речь идет о коррупционном сговоре на высоком уровне, предоставляет прикрытия для коррупционной деятельности, то есть гарантирует, что контролирующие инстанции, такие как местные инспекции или полиция, пренебрегут своими обязанностями и закроют глаза на незаконные действия. Несомненно, крыша также может быть прямой выгодой, если взятку получает актер из контролирующей инстанции⁴¹.

Второе измерение для классификации коррупционного сговора в рамках нашей аналитической структуры – это **регулярность** актов коррупции. С этой точки зрения, коррупционные сделки между определенными актерами могут совершаться время от времени, и тогда их условия обговариваются в каждом конкретном случае, или на постоянной основе, что подразумевает более длительные отношения между актерами, включающие ряд последовательных транзакций. Наконец, третье измерение, как мы отмечали выше, предполагает **добровольность или принудительность** отношений. Принудительные отношения в аналитической структуре можно также обозначить как **подчинение** или патрональные отношения (или патрональное подчинение), в рамках которых (1) при совершении коррупционной сделки воля одного участника (патрона) имеет большее значение, чем воля другого (клиента), и (2) из таких отношений нет **свободного выхода** в том смысле, который мы определили выше.

5.3.2.2. Добровольная коррупция: коррупция на свободном рынке, протекция для корешей и сговор, инициированный государственным органом

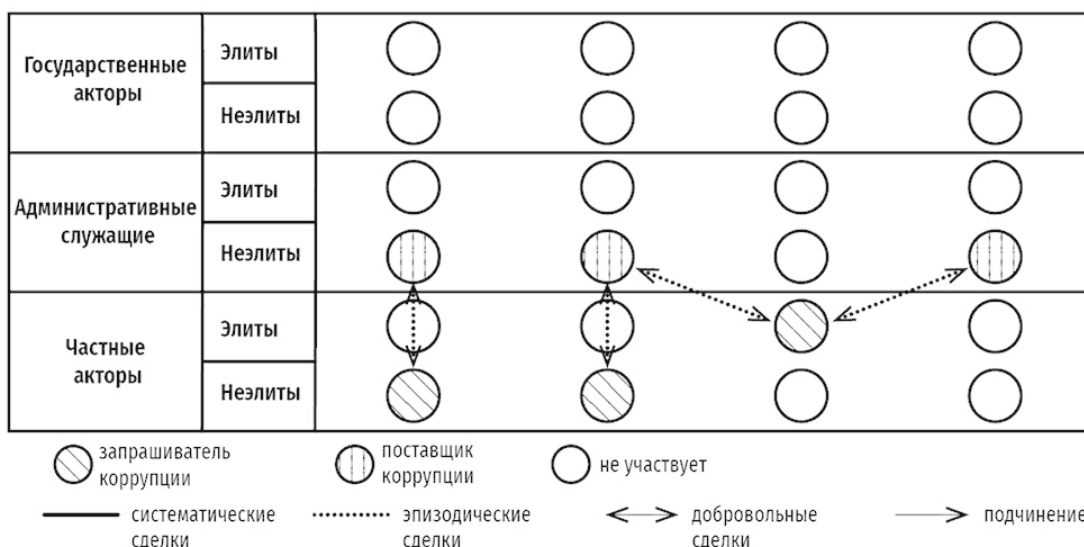
Дав определения актерам и типам связей между ними, мы можем построить аналитическую структуру. На шести схемах ниже (Схемы 5.2–7) последовательность кружков представляет актеров режимов идеального типа, а при помощи заливок и стрелок мы пытаемся отразить **модели коррупции** идеального типа, то есть как актеры разных уровней связаны друг с другом. Эти схематические изображения не должны пониматься чересчур узко: например,

⁴⁰ Мы не включаем в нашу модель доверителей в качестве непосредственно доверителей, потому что если коррупция – это проблема принципала – агента, и поверенный злоупотребляет своим положением против воли доверителя, то это значит, что доверитель не является частью данной коррупционной сети. А если доверитель является ее частью, то он либо запрашиватель, либо поставщик, либо посредник более высокого уровня.

⁴¹ Ledeneva A. How Russia Really Works. P. 86.

что в коррупции на свободном рынке всегда участвует частный актор из элит, который связан с двумя административными служащими из неэлит (потому что именно этот случай изображен на схеме). Скорее, их следует рассматривать как примеры данной модели коррупции, которые иллюстрируют их типичную структуру и виды коррупционных сделок. Другой важный момент, который необходимо отметить: **мы не определяем масштаб и охват этих моделей коррупции**, то есть для каждой из них может быть характерна различная частота применения и концентрация в регионах страны. В связи с этим мы поясняем, как эти модели могут появляться (1) **на местном уровне**, в одном государственном институте и (2) **на национальном уровне**, что подразумевает, что преимущественно эта модель характеризует все случаи обмена, совершаемые определенными акторами данного режима. Более подробное описание должно рассматривать аспект масштаба коррупции как переменную, тогда как (1) и (2) являются двумя конечными точками шкалы.

Схема 5.2: Схематическое изображение коррупции на свободном рынке

При помощи нашей аналитической структуры мы даем определение **шести типам коррупционного сговора**. Эта часть посвящена **трем типам добровольного** коррупционного сговора, и **первый** из них – это коррупция на свободном рынке (Схема 5.2):

♦ **Коррупция на свободном рынке** – это тип коррупции, при которой частные акторы вступают в сговор с административными служащими из неэлит, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и несистематически. Тогда как сговор может инициировать любая из сторон, коррупционную сделку инициирует (запрашивает), как правило, частный актор, а административный служащий является ее поставщиком.

В случае коррупции на свободном рынке частные интересы неправомерно влияют на решения центральных и местных органов власти в вопросах распределения ресурсов, госзакупок, концессий и установления норм. В результате этого влияния заключаются незаконные бартерные сделки между разрозненными частными акторами и низовыми администраторами государственной бюрократии из неэлит (офисными служащими, полицейскими и т. п.). Коррупция на свободном рынке состоит из **ряда разрозненных явлений**: ответственное должностное лицо принимает или запрашивает взятку в денежном или ином выражении для рассмотрения дела тем способом, который выгоден частному актору. Государство может считаться «коррупцированным», если такие случаи широко распространены [♦ 2.4.4], либо если гражданские, административные или деловые вопросы можно решить только с помощью **взятки**. В

таком случае коррупция на свободном рынке осуществляется не только на местном уровне, но носит общенациональный характер. Тем не менее следует отметить, что даже если эта модель коррупции распространена по всей стране, такие коррупционные сделки на свободном рынке совершаются **эпизодически**, то есть происходят от случая к случаю, когда кто-то решает принять в них участие, и при этом действия одной из сторон не носят организованный групповой характер. Случаи коррупции на свободном рынке являются также с обеих сторон **добровольными**. С этой точки зрения, не имеет значения, запрашивают ли взятку члены государственной администрации или просто принимают ее. Как говорится в определении, коррупционные услуги предоставляют злоупотребляющие своим положением члены государственной администрации, тогда как частные акторы, которые пользуются их услугами, требуют таких сделок. Обе стороны могут свободно отклонять предложение коррупционных услуг, хотя, отказавшись от них, честный частный актор может оказаться в невыгодном положении по сравнению с коррумпированными частными акторами (особенно если модель распространена по всей стране).

Термин **«свободный рынок»** в названии этой модели отчасти обозначает добровольные сделки между людьми [♦ 2.6], а также подразумевает, что коррупционные возможности доступны не только ограниченному кругу людей. Таким образом, коррупция на свободном рынке является коррупцией с **«открытым доступом»**, то есть любой человек, имеющий достаточное количество (денежных) ресурсов, может вступать в коррупционные отношения такого рода. Кроме того, открытый доступ обуславливает **конкуренцию со свободным входом**. Если коррупционный спрос и предложение многочисленны, частные акторы могут конкурировать в плане размера взятки, которую они предлагают, а публичные акторы – в плане размера взятки, которую они просят⁴². Там, где монополия более вероятна, например в государственных конкурсных закупках, конкурировать могут только частные акторы, а публичные акторы могут извлекать из этого более высокую ренту. Естественно, незаконный характер таких сделок способствует образованию структурного пробела между коррупционным спросом и предложением, что зачастую диктует необходимость брокера-коррупционера, который обеспечивает функционирование рынка коррупции [♦ 5.3.3.2]⁴³.

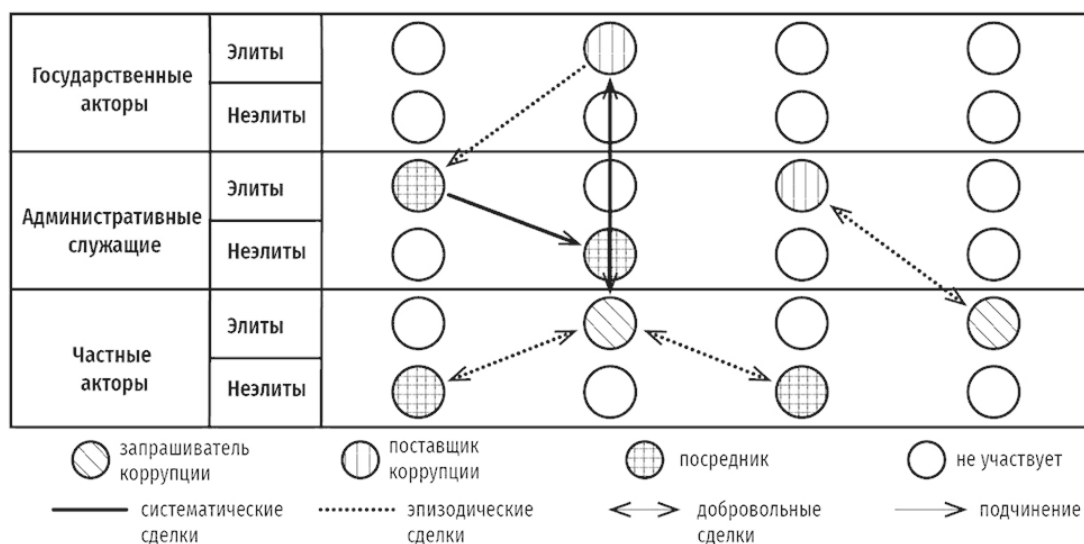
Вторая модель добровольной коррупции – это протекция для корешей (Схема 5.3):

♦ **Протекция для корешей** – это тип коррупции, при которой частные акторы из элит вступают в сговор с административными служащими или государственными акторами из элит, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и могут носить либо несистематический, либо систематический характер (иногда с участием административных служащих и частных акторов из неэлит в качестве посредников). Тогда как сговор может инициировать любая из сторон, коррупционную сделку инициирует (требует), как правило, частный актор, а государственный актор является ее поставщиком.

Схема 5.3: Схематическое изображение протекции для корешей

⁴² Diaby A., Sylwester K. Corruption and Market Competition: Evidence from Post-Communist Countries // World Development. 2015. № 66. P. 487–499.

⁴³ Jancsics D. «A Friend Gave Me a Phone Number»: Brokerage in Low-Level Corruption // International Journal of Law, Crime and Justice. 2015. Vol. 1. № 43. P. 68–87.

«Кореш» в нашем понимании – это человек, который имеет неофициальные добровольные связи с административным служащим из элит или государственным актором, который дает своему корешу привилегии в конкуренции за государственные должности или услуги⁴⁴. Другими словами, кореш – это закадычный друг, приятель, что подразумевает отсутствие каких-либо подчиненных или патронально-клиентарных отношений⁴⁵. Неформальные добровольные отношения могут складываться задолго до конкретной коррупционной сделки, например, если речь идет о давней дружбе, семье или коррумпируемых деловых связях. В таких случаях мы можем использовать термин «непотизм» в качестве особого подтипа протекции для корешей. Однако существуют также случаи данной модели коррупции, не предполагающие непотизм, то есть когда связь между частным и государственным акторами формируется для одной конкретной ситуации. В обоих случаях определяющим признаком протекции для корешей, который отличает его от захвата государства, является добровольный характер отношений. В некотором смысле протекция для корешей – это союз равных, «клиентарно-клиентарные отношения»⁴⁶, в которых ни одна из сторон не может заставить другую продолжать заключать коррупционные сделки в будущем, даже если эти люди вступают в сговор ради личной выгоды несколько раз. Если мы говорим о корешах, это означает, что между сторонами не образуются цепочки зависимости (то есть нет патрональных отношений). Обе стороны вступают в отношения добровольно, в собственных интересах, и могут свободно выйти из них, если сочтут этот вариант более выгодным.

Если протекция оказывается на местном уровне, при участии одного государственного актора или института, она является, как правило, несистематической. Даже если участники знакомы в течение продолжительного времени, они используют накопленный социальный капитал для проведения каждой коррупционной сделки индивидуально, без стремления делать это на регулярной основе. Однако по мере того, как протекция для корешей начинает распространяться и преобладать по всей стране, коррумпируемые отношения могут стать постоянными, поскольку систематизируются в сеть корешей. В своей книге «Неформальная политика в посткоммунистической Европе» Михал Клима подробно анали-

⁴⁴ Ср.: Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T. Cronyism: A Cross-Cultural Analysis.

⁴⁵ Crony // Merriam-Webster.com. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/crony>.

⁴⁶ Klíma M. Informal Politics in Post-Communist Europe: Political Parties, Clientelism and State Capture. London; New York: Routledge, 2019. P. 13–15.

зирует этот феномен в Чехии. По его мнению, чешской политической жизни свойственны взаимовыгодные альянсы между крупными предпринимателями и членами партии (хотя и не в полном составе), где обе стороны действуют по принципу централизации власти и накопления личного состояния. Эти неформальные сети, которые опутывают политическую сферу снизу доверху, осуществляют смешение сфер социального действия, поскольку политические акторы значительно влияют на экономическую деятельность, а экономические акторы – на политическую, хотя и не настолько всесторонне, как в случае мафиозного государства (см. Текстовую вставку 5.2). По сути, протекция для корешей похожа на коррупцию на свободном рынке. Главное отличие состоит в том, что протекция проникает на самые высокие уровни политической сферы, где задействованы административные служащие из элит и государственные акторы. В коррупционных сделках на свободном рынке заинтересованные в них акторы обращаются к тому актору, который непосредственно принимает решения, например о том, кому продать собственность или кто должен выиграть государственный тендер. В случае протекции для корешей акторы обращаются к тому, кто решает, какое имущество выставлять на продажу или для какого проекта объявлять государственный тендер. **Кореш и его политический партнер находятся в разных сегментах, но на одном уровне социальной иерархии:** они оба влиятельны на своем жизненном пути и используют позиции, чтобы вступить в сговор для взаимной выгоды.

Текстовая вставка 5.2: Систематическая протекция для корешей и ее влияние на политику

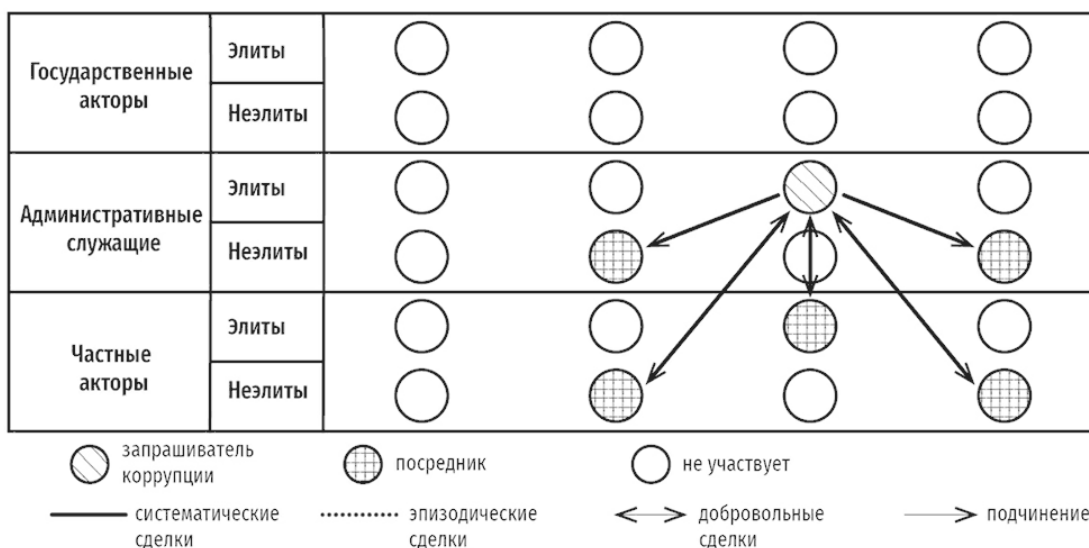
Неформальные структуры, которые никто не выбирал, часто обладают большей властью, чем парламент и правительство, но в то же время действуют через них. <...> На их вершине находятся неофициальные государственные начальники или олигархи, которые работают в симбиозе с ключевыми представителями политических партий. Позиции центральных руководителей могут занимать высокопоставленные политики и национальные лоббисты или крестные отцы или представители крупнейших корпоративных конгломератов. В этих кругах решения по широкому спектру неформальных обменов услугами принимаются за закрытыми дверями. Помимо классического распределения крупнейших национальных тендеров и проектов из европейских фондов, эти сети также определяют поствыборный состав кабинета или, в других случаях, отставку правительства. [В результате] значительная часть партийной элиты продемонстрировала двойственную лояльность, то есть лояльность не только по отношению к своей партии, но и к конкретному непрозрачному бизнесу. Именно эта двойная лояльность часто обнаруживала противоречия, что ухудшало партийную дисциплину, то есть негативно сказывалась на сплоченности партийных фракций в парламенте и многопартийных коалиций. <...> В то же время эта завуалированная лояльность непрозрачным компаниям вызвала растущее недовольство общественности и недоверие к политической элите. <...> Этот процесс системным образом ухудшает работу всех элементов политической системы и экономики, а также подрывает политическую культуру⁴⁷.

Еще одно отличие протекции для корешей от коррупции на свободном рынке заключается в периодической систематизации, а также в наличии **посредников** в коррупционных

⁴⁷ Klíma M. Informal Politics in Post-Communist Europe. P. 10, 15, 27.

сделках. Для оказания протекции государственные акторы могут использовать подведомственную им **государственную администрацию**, которая получает распоряжение отдавать определенным людям приоритет при рассмотрении их дел. Именно административные служащие из элит, как правило, напрямую связаны с государственными акторами и в целях содействия коррупционной сделке могут использовать своих подчиненных, то есть акторов из неэлит, работающих в государственном аппарате. Такое злоупотребление формальными и законными вертикальными связями превращает их в **незаконное подчинение**, где административные служащие из элит выполняют волю государственных акторов, а административные служащие из неэлит – волю своих боссов из элит.

Схема 5.4: Схематическое изображение сговора, инициированного государственным органом

В науке и в разговорной речи понятие «протекция для корешей» иногда используется для указания на то, что государство использует свои полномочия для обслуживания особых интересов, которые являются следствием лоббирования⁴⁸. С одной стороны, такое сравнение объяснимо, потому что и в протекции, и в лоббировании участвуют частные акторы из элит, которые формируют добровольные отношения с акторами из политической сферы. С другой стороны, **протекция отличается от лоббирования**, потому что в основе первой лежат неформальные / незаконные отношения и сделки и она предполагает **приоритет для конкретных людей, а не для определенных отраслей или групп интересов** [♦ 5.4.2.3].

Третья модель добровольной коррупции – это сговор, инициированный государственным органом (Схема 5.4):

♦ **Сговор, инициированный государственным органом** – это тип коррупции, при которой административные служащие из элит (руководители государственных организаций) вступают в сговор с частными акторами, а заключаемые ими коррупционные сделки совершаются добровольно и носят систематический характер (с использованием административных служащих из неэлит в качестве посредников). И сговор, и сделки инициирует (запрашивает) административный служащий, который также является поставщиком коррупции.

В отличие от коррупции на свободном рынке, где запрашиватель и поставщик коррупционных услуг принадлежат к разным сферам социального действия, в случае коррупции,

⁴⁸ Holcombe R. Political Capitalism, 2018. P. 3–4; Henderson D. R. The Economics and History of Cronyism // Mercatus Center at George Mason University. 27.07.2012. URL: https://www.mercatus.org/system/files/Henderson_economics_history_cronyism.pdf.

исходящей от государства, **роли поставщика и запрашивателя выполняет один человек**, поскольку здесь злоупотребляет своим положением административный служащий из элит, который делает это для собственной выгоды. Если точнее, в таких сделках участвуют, как правило, большинство или все члены правления государственного предприятия, которые решают «незаконно „продать“ ресурсы собственной организации. Чтобы беспрепятственно управлять этим процессом, им необходимо сформировать внутренние неформальные сети. Организации, захваченные этими местными элитами, „проедают“ свои собственные ресурсы, что значительно снижает их эффективность и производительность. <...> **Принадлежащие к элите участники** этих коррумпированных соглашений обладают широкими полномочиями по выбору **поставщиков и других деловых партнеров** своей организации. Наиболее типичный способ выкачивать ресурсы из системы – **получать откаты** от этих партнеров в обмен на утверждение заказов на поставки по завышенным ценам» (выделено нами. – *Б. М., Б. М.*)⁴⁹. Такие соглашения в отличие от протекции для корешей не могут образовывать общенациональные сети, но всегда включают в себя местные, хотя сами соглашения могут быть широко распространены, если они свойственны большинству организаций (коррумпированного) государства.

Частные акторы, участвующие в коррупционных сделках, **добровольно вступают в сговор с акторами, принадлежащими к государственным организациям**, и получают от них заказы по завышенной стоимости, при этом такие сделки совершаются **регулярно**. Так, руководители государственных организаций налаживают **механизм**, с помощью которого они могут систематически направлять бюджетные ресурсы своей организации в частные руки. Как правило, такие схемы работают более продолжительное время, чем аналогичные схемы на частных предприятиях, в результате так называемого мягкого бюджетного ограничения государственных организаций⁵⁰, несмотря на то, что они постоянно находятся под угрозой проверок со стороны внутренних и внешних контролирующих организаций государства. **Деактивация механизмов контроля** на как можно более длительный срок – это один из ключевых компонентов сохранения коррупционных сетей, который достигается в результате сговора, инициированного государственным органом, множеством способов, включая взяточничество и «технизм». Как отмечает Янчич, с помощью таких экспертов, как «специалисты среднего звена, юристы, бухгалтеры, инженеры и экономисты организации», организаторы коррумпированной сети могут объявлять тендеры по индивидуальному заказу таким образом, что выиграть их может только конкретный частный актор [♦ 4.3.4.2]. Примером такого тендера, который упоминает Янчич, может служить госзакупка автомобилей, объявленная налоговым управлением в 2009 году в Венгрии. По его словам, тендерная документация «включала в себя сложное описание обязательных параметров автомобилей <...>. Эти параметры полностью совпадали с описанием конкретной модели одного конкретного автопроизводителя»⁵¹.

5.3.2.3. Принудительная коррупция: захват государства снизу вверх и сверху вниз и криминальное государство

Несмотря на то, что добровольная коррупция действительно часто встречается в посткоммунистическом регионе, главный принцип организации неформальных связей основывается там, как правило, на **патронально-клиентарных отношениях и подчинении**. Доминантные акторы добиваются подчинения других, стоящих ниже в иерархии акторов, путем

⁴⁹ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 133–134.

⁵⁰ Kornai J. The Soft Budget Constraint.

⁵¹ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 134.

создания неформальных сетей, которые начинают эксплуатировать формальные институты в качестве фасада. Именно такие случаи принудительной коррупции мы рассматриваем ниже.

Руководствуясь существующими исследованиями по данной теме, мы используем общий термин «захват» («присвоение») в контексте принудительной коррупции и определяем его следующим образом:

♦ ***Захват** – это форма коррупции, включающая принудительные элементы, относящиеся лишь к какой-то части социального действия захватчика. Другими словами, захват описывает только ограниченное количество случаев принудительной коррупции.*

В академической литературе, посвященной коррупции, под «захватом» понимается скрытое и незаконное подчинение государственных функций реализации специальных интересов экономических элит⁵². Добавляя необходимый контекст к этому определению, мы выделяем три возможных варианта захвата. Во-первых, как подсказывает нам этимология слова «захват», в такой ситуации должен присутствовать кто-то, кого захватывают, то есть тот, кого некий захватчик принуждает действовать определенным образом. Таким образом, мы сужаем наше определение до принудительной коррупции. Во-вторых, мы выделяем три вида захвата, включая и такие, которые обычно не запрашиваются и не инициируются экономическими элитами. В этом мы расходимся с теми, кто привязывает понятие «захват государства»⁵³ к экономическим элитам. Наконец, мы добавляем оговорку о том, что захват, как правило, всегда является неполным. С одной стороны, отсутствие такого ограничения может привести к тому, что любая автократия или диктатура, стремящаяся показать себя с демократической стороны, то есть подменяющая демократический режим своими псевдодемократическими конструкциями, может быть расценена как захват государства⁵⁴. С другой стороны, мы хотим избежать путаницы и разделить случаи, когда олигархи захватывают некоторую часть государства, чтобы получать ренту, и случаи, когда то же самое делает однопиримидальная патрональная сеть приемной политической семьи с целью превратить все государство в организованную преступную группу⁵⁵. Теоретически последний случай можно назвать «полным захватом», а первый – «частичным захватом», но на практике эти два случая проще разграничить, если определение захвата предварительно сужено до частичных случаев.

Главным смысловым измерением для разграничения видов захвата является его **направленность**. Можно выделить (а) захват снизу вверх, когда запрашивателем коррупционной сделки является частный актор, и (б) захват сверху вниз, когда запрашивателем коррупционной сделки является публичный актор.

Ниже мы описываем **три типа принудительной коррупции, первым** из которых является захват государства снизу вверх (Схема 5.5), то есть то, что в существующей литературе часто называют просто «захватом государства»⁵⁶:

♦ ***Захват государства снизу вверх** – это тип коррупции, при котором частные акторы внутри элит вступают в сговор с административными служащими и государственными акторами, также принадлежащими к элите, для проведения принудительных коррупционных сделок время от времени или на постоянной основе (иногда с вовлечением административных служащих и частных акторов из неэлит в качестве посредника). Как сам сговор, так и кор-*

⁵² Anticorruption in Transition: A Contribution to the Policy Debate. Washington: World Bank, 01.01. 2000. P. 3.

⁵³ TI. Corruption Perceptions Index 2017 – Full Source Description // Transparency International, 2018. URL: http://files.transparency.org/content/download/2183/13748/file/CPI_2017_Technical%20Methodology%20Note_EN.pdf.

⁵⁴ Действительно, по определению захват также должен являться неформальным / незаконным, так как он предполагает сговор, но даже этот момент преодолевается некоторыми автократическими операциями по передаче власти, перекраивающими всю законодательную основу в целях прерывания легальной процедуры правопреемственности.

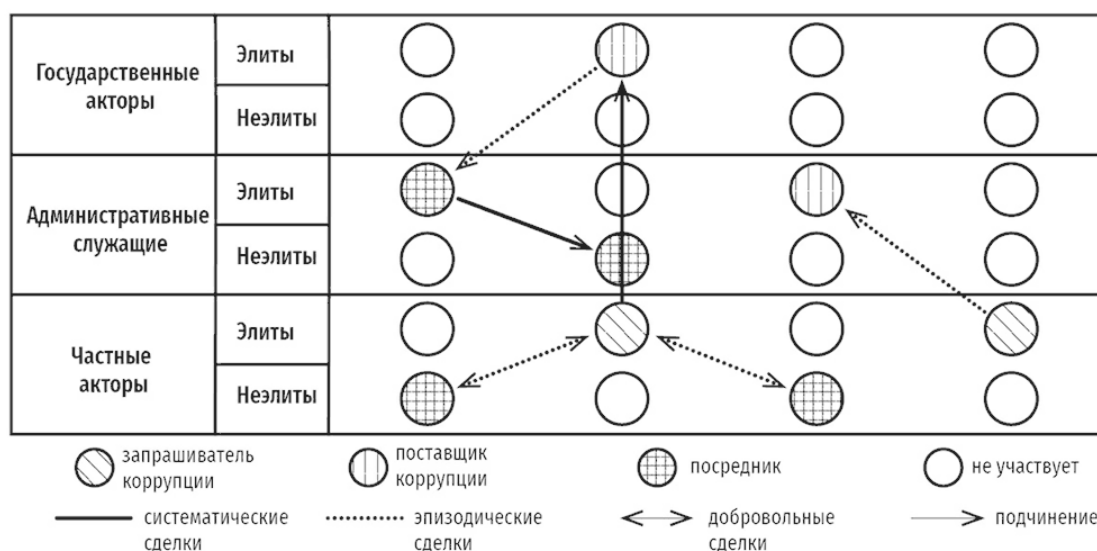
⁵⁵ Показательный пример смешения этих тем см.: *Innes A.* The Political Economy of State Capture in Central Europe // *Journal of Common Market Studies*. 2014. Vol. 52. № 1. P. 88–104.

⁵⁶ Примером выдающегося исследования на эту тему является: *Hellman J., Jones G., Kaufmann D.* Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies // *Journal of Comparative Economics*. 2003. Vol. 31. № 4. P. 751–773.

рупционная сделка инициируются (запрашиваются) частным актором, а удовлетворяются государственным актором.

В случае захвата государства снизу вверх процесс кооперации между акторами усложняется не только со стороны коррупционного предложения, но и со стороны коррупционного спроса, учитывая, что в частном секторе участниками коррупционных сделок являются **олигархи или лидеры организованных преступных групп (ОПГ)**. Несмотря на то, что и те и другие являются частными лицами и относятся к экономической элите, необходимо отличать их друг от друга. Лидер ОПГ обычно занимается незаконной экономической деятельностью (торговля наркотиками, проституция, незаконная торговля нефтью, вымогательство, крышевание и т. п.) на незаконных условиях. Между ним и представителями власти формально существует конфликт, и он пытается вовлечь их в зону своего влияния, используя незаконные средства (взятки, угрозы, шантаж, а иногда и физическое насилие). Олигарх в посткоммунистических режимах обычно пытается добиться незаконной поддержки для законной во всех других смыслах экономической деятельности, прибегая к коррупции⁵⁷. На примере такого отличия мы можем провести грань между **криминальным захватом государства** – то есть захватом государства снизу вверх, осуществляемым лидером ОПГ, и **олигархическим захватом государства** – то есть захватом государства снизу вверх, проводимым олигархом.

Схема 5.5: Схематическое изображение захвата государства снизу вверх

Захват государства снизу вверх – это аналог протекции для корешей с использованием принуждения, при котором коррупция проникает в самые высокие слои государственной властной вертикали и окончательно подчиняет некоторых политических акторов экономической элите⁵⁸. Подчинение может осуществляться в результате шантажа или вымогательства; также чиновник может продать себя (или полномочия, закрепленные за его офици-

⁵⁷ Sajó A. Clientelism and Extortion: Corruption in Transition // Political Corruption in Transition: A Sceptic's Handbook. Budapest; New York: CEU Press, 2002. P. 16.

⁵⁸ Клима утверждает, что то, что мы называем протекцией для корешей, является «инструментом для захвата всего государства через установление непрямого контроля над основными элементами политической системы. Только таким образом можно добиться конечной цели, то есть безраздельного обладания всей полнотой власти с возможностью эксплуатировать государственные ресурсы на всех уровнях. Другими словами, захват партии является основополагающим элементом и необходимым условием для полномасштабного захвата государства». Однако Клима определяет захват государства на основании масштаба, а не фактора принуждения: протекция для корешей может распространиться на все государство, но даже в этом случае она не будет подпадать под наше определение захвата государства до тех пор, пока не станет принудительной (что, безусловно, может случиться). См.: *Klíma M. Informal Politics in Post-Communist Europe*. P. 26.

альной должностью) в услужение за определенную сумму денег. Кто-то может возразить, что в последнем случае сговор происходит на добровольной основе. Однако в результате подобной сделки **административный служащий** (например, начальник полиции или глава государственного предприятия) **или государственный актер** (например, политик) **теряют возможность свободного выхода**, потому что частный актер, инициировавший сговор, может всегда принудить представителя власти к сотрудничеству, угрожая придать огласке факт коррумпированности последнего. Поэтому с момента «продажи» представитель власти вынужден использовать свои официальные полномочия в угоду «хозяину» вне зависимости от того, согласен он с ним или нет. И поскольку возможность свободного выхода представляется нам ключевым аспектом добровольных отношений, мы считаем все коррупционные сделки, истекающие из подобных неформальных договоренностей, принудительными.

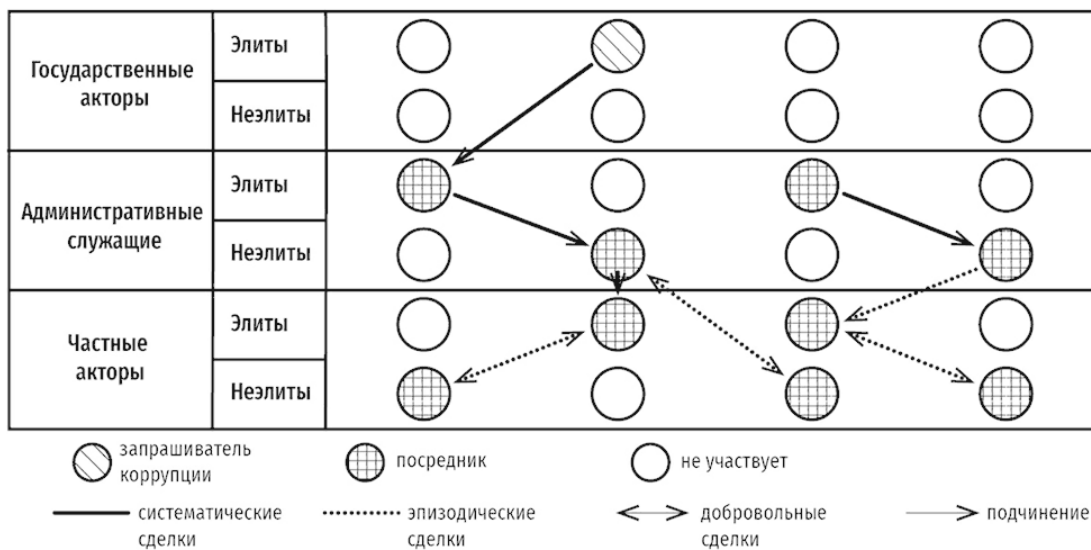
Ситуация, которую мы описали, показывает, что **захват государства снизу вверх может быть постоянным** (а также эпизодическим). Это заставляет нас провести еще одно различие между захватом государства снизу вверх и влиянием, которое оказывают большие государственные предприятия, часто доставшиеся государству в наследство от коммунистических режимов и также устанавливающие постоянные отношения (иногда эксплуатационного толка) с государственными акторами⁵⁹. Главное различие проявляется как раз в момент самого сговора: мы можем говорить о смешении сфер социального действия именно потому, что между государством и олигархом-захватчиком нет формальных отношений собственности. В случае с большими государственными предприятиями такие отношения есть: сами предприятия управляются государственными служащими, и поэтому их деятельность может рассматриваться как разновидность внутригосударственного лоббирования или коррупции без сговора.

В захват государства снизу вверх могут вовлекаться посредники как с уровня административных служащих, так и из частного сектора. Что касается последних, посредниками обычно являются подрядчики и поставщики, добровольно сотрудничающие с олигархом, как постоянно, так и эпизодически (они, соответственно, тоже становятся бенефициарами незаконных схем олигарха). Административные служащие обычно находятся в подчиненной позиции по отношению к государственным акторам, потому что последние могут всегда их просто устранить, если они не выполняют формальные правила (законы) или неформальное волеизъявление захваченных политиков. Однако важно подчеркнуть, что даже если цепочки постоянной вассальной зависимости присутствуют **не только на местном уровне, а охватывают всю страну**, захват государства останется частичным: то есть он будет включать в себя большое количество отдельных захватов, но никогда не перерастет в полное присвоение государства одной неформальной сетью [♦ 2.4.4]. В подобных условиях всегда остается место для плюрализма, и **политическая конкуренция может продолжаться**. Передача власти все еще возможна на конституционных условиях, а экономическая элита сохраняет относительную независимость, так как никто из ее членов не привязан к определенным политическим акторам навечно [♦ 3.4.1.3].

Второй тип принудительной коррупции – это захват государства сверху вниз (Схема 5.6):

Схема 5.6: Схематическое изображение захвата государства сверху вниз

⁵⁹ Hellman J., Jones G., Kaufmann D. Seize the State, Seize the Day. P. 760–763.

♦ **Захват государства сверху вниз** – это тип коррупции, при котором государственные акторы вступают в сговор с экономическими акторами, используя аппарат управления, и систематически или время от времени заключают с ними принудительные коррупционные сделки. Как сам сговор, так и коррупционная сделка инициируется (запрашивается) административным служащим, который также является ее поставщиком.

Захват государства сверху вниз может инициироваться как одним единственным актором (например, мэром местной администрации), так и группой лиц (например, политической партией). В обоих случаях **патрональное принуждение распространяется в первую очередь на работников госаппарата, а во вторую – на экономических акторов**. Это подразумевает некую последовательность событий: во-первых, конкретный человек или группа лиц становятся государственными акторами; во-вторых, он или они патронализируют тот государственный институт, частью которого они становятся, создавая возможность свободно использовать (принудительные) механизмы государственного управления по своему усмотрению; и, в-третьих, эта новообретенная власть используется ими в целях патронализации экономических акторов. Естественно, некоторые экономические акторы вступают в такие отношения добровольно, и те из них, чья деятельность не зависит напрямую от захваченного сегмента государственного управления (например, местного правительства, министерства и т. п.), могут выбрать не вступать в добровольную коррупционную сделку. Однако те, чья деятельность невозможна без поддержки захваченного сегмента, вынуждены принимать условия, которые выставляют их местные патроны.

Так как часть государственного управления превращается в рэкет, организованный ее начальниками (то есть сверху вниз), подчиненная им иерархия внутри этой структуры, по сути, наполняется их клиентами, что приводит к **патронализации**. Захваченная часть госаппарата попадает под управление неформальной патрональной сети, систематически играющей по неформальным правилам и игнорирующей формальные.

Тем не менее **попытки захвата государства сверху вниз часто сталкиваются с рядом ограничений** в силу того, что обычно ни один патрон не обладает всей полнотой власти в определенной политической системе. Это, в свою очередь, ограничивает возможность каждого из них беспрепятственно использовать инструменты государственного управления: как правило, они могут пользоваться такими инструментами внутри своей собственной государственной сферы, то есть **тех полномочий, которыми они наделены формально**, но

патронализация других сфер обычно слабо реализуема⁶⁰. Первым последствием таких ограничений является то, что скоординированная коррупция, требующая кооперации между несколькими государственными институтами, как правило, бывает затруднена. Во-вторых, положение патрона зависит от перемен в политической жизни государства. Если на выборах побеждает оппозиция, патрон может легко быть смещен со своей должности, что сразу же лишит его практической возможности дальше поддерживать деятельность своей патрональной сети. Это в особенности относится к тем посткоммунистическим режимам, где конкуренция политических партий часто является лишь фасадом для конкуренции патрональных сетей [♦ 3.3.7]. Наконец, отсутствие монополии на власть также означает, что патрону бывает не так легко обойти институциональные сдержки. Конституционные ограничения на чрезмерную концентрацию власти вкупе с отлаженной работой правоохранительных органов обычно позволяют сдерживать деятельность неформальных сетей и не дают их патрону заполучить всю полноту власти, которую тот может легко использовать для превращения государства в свое частное владение⁶¹.

Для определения **последнего типа принудительной коррупции** мы заимствуем понятия, относящиеся к уже описанному нами явлению «**криминального государства**». Главным их отличием друг от друга является то, что криминальное государство, как правило, характеризует всю политическую систему целиком, тогда как криминально-государственная модель (Схема 5.7) проявляется только в малых масштабах:

♦ ***Криминально-государственная модель** – это форма коррупции, при которой государственные акторы, являющиеся членами элит, вступают в сговор с экономическими акторами, также принадлежащими к элите, и используют весь госаппарат под ними для постоянного проведения принудительных коррупционных сделок. Как сам сговор, так и коррупционная сделка в данном случае инициируется (запрашивается) административным служащим, который также является ее поставщиком.*

Главным отличием между захватом государства сверху вниз и криминальным государством является **концентрация полной и безраздельной политической власти над определенной территорией в одних руках**. Имея такое количество власти, верховный патрон может полностью отключить систему сдержек и противовесов и превратить (центральное и местные) правительства в коммерческие проекты своей приемной политической семьи. Используя терминологию Гамбетты, это единственная система, в которой **роли доверителя, поверенного и развратителя сочетаются в лице одного человека – главного патрона, и нет никакого «невинного» конечного доверителя или другого центра власти над ним**. Эта черта кардинально отличает такой вид коррупции от захвата государства, который – в силу своей частичности – всегда подразумевает присутствие конечного и невовлеченного доверителя на самом вершине (которого предают его поверенные).

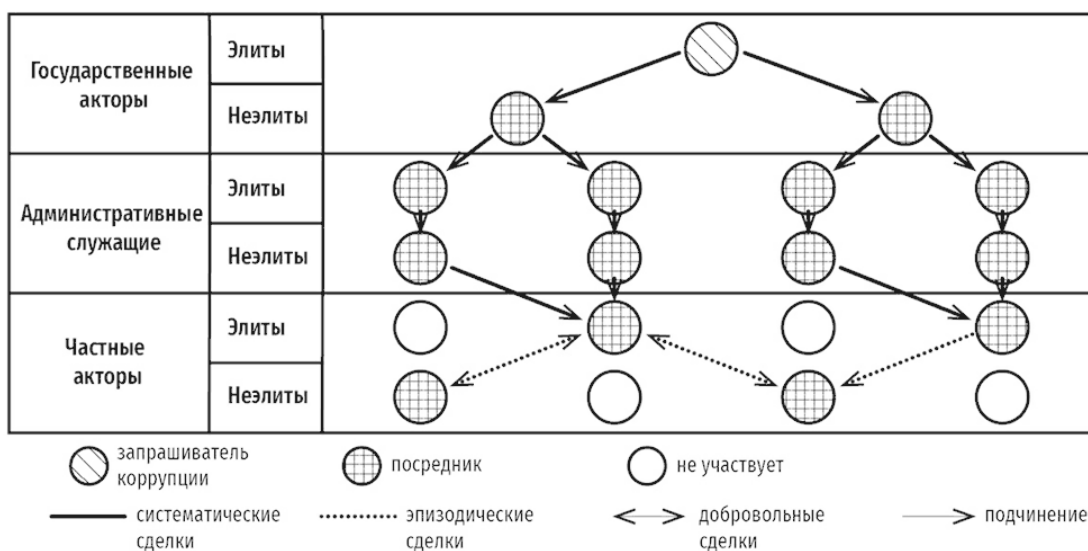
В отличие от предыдущих случаев, которые мы делили только на локальные и общегосударственные, мы выделяем **три типа криминально-государственной модели, исходя из ее охвата**. Во-первых, существует **локальная модель**, когда в качестве государственного актора выступает мэр, который патронализует все местное правительство, превращая его в рэкет или фактически в «государство внутри государства». Знаменитым примером такой модели **географически локализованного патронального рэкета** (хоть этот пример взят и не из посткоммунистического региона) является дело Кевина Уайта, который

⁶⁰ Хорошей иллюстрацией этого является дело Чжоу Юнкана, который занимался рэкетом внутри китайского государственного аппарата и постоянно расширял свою неформальную сеть по мере того, как шаг за шагом продвигался вверх по служебной лестнице и получал возможность патронализировать все новые и новые сферы управления. См.: *Zhu J. Corruption Networks in China*. P. 36–39.

⁶¹ *Hale H. Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Post-Soviet Eurasia // World Politics*. 2011. Vol. 63. No 4. P. 581–617.

был мэром Бостона на протяжении шестнадцати лет (1968–1984 годы) и построил криминально-государственную модель внутри своего муниципалитета, патронализировав фактически все уровни бостонского муниципального управления⁶². Во-вторых, криминально-государственная модель может применяться на **общегосударственном уровне и затрагивать одновременно большое количество локальных правительств, превращая их в патрональные рэкеты** и становясь преобладающим способом организации управления в субъектах определенного государства. Пожалуй, можно утверждать, что современный Китай состоит из множества клептократических и мафиозных «субгосударств», управляющихся по криминально-государственной модели, что создает риск «мафизации» партии-государства [♦ 5.6.2.3]. Наконец, криминально-государственная модель может **работать на уровне центрального правительства**, когда сам верховный патрон сосредоточивает в своих руках всю полноту государственной власти и успешно проводит полный захват государства. Такой тип государства мы изначально назвали криминальным государством, и он же является одним из измерений мафиозного государства в патрональной автократии [♦ 2.4.5].

Схема 5.7: Схематическое изображение криминально-государственной модели

(Комментарий: все государственные акторы подчинены своему верховному патрону, то есть главе исполнительной власти. Мы решили не обозначать каждого государственного актора в виде кружка в целях большей ясности)

Криминальное государство создается через выстраивание однопирамидальной патрональной сети. Во-первых, **акторы внутри государственных административных органов лишаются своей возможности предлагать коррупционные сделки частным акторам или принимать взятки в обмен на предоставление благоприятствующих условий**. Вместо этого, они полностью подчиняются воле верховного патрона и создают благоприятствующие условия лишь для тех, на кого указывается свыше, то есть для клиентов верховного патрона. Во-вторых, построение единой пирамиды означает конец мультипирамидальной системы и соревновательности, характерных для захвата государства сверху вниз. Когда режим начинает функционировать на основании криминально-государственной коррупционной модели, это означает, что политическая оппозиция, включая официальные партии и НПО, полностью нейтрализуются, превращаясь, по сути, в то, чем все формальные институты становятся по отношению к патрональной сети, – в простые фасады.

⁶² Schabert T. Boston Politics: The Creativity of Power. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1989.

В-третьих, процесс строительства единой пирамиды распространяется и на частный сектор, который вынужден подчиниться законодательным и надзорным инструментам, теперь полностью сконцентрированным в руках верховного патрона. Используя свою монополию на власть, верховный патрон **лишает автономии самых крупных предпринимателей и олигархов**, пытаясь их дисциплинировать и одомашнить, а также включить их в свою вертикаль подчинения [♦ 3.4.1.4]. При этом сеть субподрядчиков и поставщиков распространяется за пределы этих патронально-клиентарных отношений и достигает нижних уровней частного сектора, что означает, что плата за крышу внутри частного сектора взимается как с элит, так и с неэлит [♦ 6.2.2.3].

5.3.3. Сравнительная типология коррупции: общие измерения и исследование проблемы трансформации коррупции на конкретном примере

5.3.3.1. Разделение сфер социального действия и прочие измерения

В Таблице 5.2 мы резюмируем все главные характеристики шести типов коррупции. Мы также добавили в таблицу еще одно измерение: «характер коррупции». Оно встречается в существующей литературе и помогает отличить незначительные коррупционные сделки на свободном рынке, заключаемые между частными акторами и мелкими чиновниками, не принадлежащими к элитам, – то есть **мелкую коррупцию** – от крупномасштабных сделок с огромной прибылью, заключаемых между государственными акторами внутри криминально-государственной модели, то есть **крупной коррупции**⁶³.

Кто-то может возразить, что протекцию для корешей можно также назвать «крупной коррупцией», как, собственно, и захват государства снизу вверх, тогда как сговор, инициированный государственным органом, не всегда подразумевает более крупные суммы коррупционных денег, чем протекция для корешей. На подобное возражение у нас есть два ответа. Во-первых, в своем описании коррупции мы используем идеальные типы, а значит, мы стремимся не к тому, чтобы точно описать каждый конкретный случай, а к тому, чтобы обозначить систему координат, с помощью которой эти случаи можно исследовать [♦ *Введение*]. Во-вторых, нам кажется, что, с точки зрения идеальных типов, сговор, инициированный государственным органом, является примером более крупной коррупции, чем протекция для корешей, потому что первый тип является **системным**, и в его рамках выстраиваются стабильные каналы для увода бюджетных средств в частные руки, охватывающие всю государственную организацию.

Таблица 5.2: Главные характеристики шести типов коррупции (типы принудительной коррупции отмечены серым цветом)

⁶³ Мы благодарны Йожефу Петеру Мартину за то, что он обратил наше внимание на этот важный аспект. Также см. определение крупной коррупции, которое дает *Transparency International*: TI. What Is Grand Corruption and How Can We Stop It? // Transparency International (blog). 21.09.2016. URL: https://www.transparency.org/news/feature/what_is_grand_corruption_and_how_can_we_stop_it. Сп.: *Moody-Stuart G.* Grand Corruption: How Business Bribes Damage Developing Countries. Oxford: WorldView, 1997.

	Характер коррупции	Тип входа сторон в коррупционную сделку	Распределение коррупционных сделок	Направленность коррупционной деятельности	Экономическая природа коррупции	Регулярность и масштаб коррупционных действий	Способ коррупционного обмена
Коррупция на свободном рынке	Мелкая коррупция	Добровольный	Нецентрализованное	Горизонтальная	Конкурентная	Эпизодические и частичные	Взятка
Протекция для корешей		Добровольный	Нецентрализованное	Горизонтальная	Конкурентная	Эпизодические / постоянные и частичные	Взятка постоянные и частичные
Сговор, инициированный государственным органом		Добровольный	Нецентрализованное	Вертикальная (сверху вниз)	Олигопольная / локально-монополия	Эпизодические и частичные	Взятка
Захват государства снизу вверх		Принудительный	Умеренно централизованное	Вертикальная (снизу вверх)	Олигопольная / локально-монополия	Эпизодические / постоянные и частичные	Взятка
Захват государства сверху вниз	Крупная коррупция	Принудительный	Частично централизованное	Вертикальная (сверху вниз)	Олигопольная / локально-монополия	Постоянные и частичные (цепочки вассальной зависимости)	Плата за крышу
Криминально-государственная модель		Принудительный	Централизованное	Вертикальная (сверху вниз)	Монополия	Постоянные и общие (цепочки вассальной зависимости)	Плата за крышу

Эти две мысли приводят нас к необходимости сделать важную оговорку. Литература о коррупции обычно использует понятия «системной» и «эндемичной» коррупции как синонимы, когда говорит о «коррупции, интегрированной в политическую, социальную и экономическую системы в качестве неотъемлемых элементов этих систем»⁶⁴. Однако такой взгляд не позволяет нам отличить случаи, когда коррупция становится повсеместной, от тех случаев, когда она целенаправленно трансформируется в единую коррупционную систему усилиями некоего организатора на самом вершине. Например, к первому случаю могут относиться такие социально принятые формы коррупции на свободном рынке, как «денежная благодарность», существующая в большинстве посткоммунистических стран Восточной Европы (пациенты регулярно доплачивают сверху докторам и медсестрам в государственных поликлиниках и больницах, так как без подобной доплаты бывает почти невозможно добиться нормального обслуживания)⁶⁵. Такие сделки не организованы в единую систему, происходят нерегулярно и только при личной встрече, а каждая пара акторов, вовлеченных в коррупционный обмен, не принадлежит ни к какой коррупционной сети. Очень важно отличать такие сделки от сговора, инициированного государственным органом, захвата государства сверху вниз и снизу вверх, а также от криминально-государственной модели. Во всех последних случаях коррупция систематизирована неким актором, то есть организована как совместное функционирование или сеть с постоянными связями и сложной коррупционной моделью. Поэтому мы считаем необходимым провести следующее различие:

- **Коррупцию можно назвать эндемичной**, если она становится социальной нормой, то есть неформально принятым поведенческим стандартом, разделяемым большинством социальных акторов. При этом она не подкреплена организующими усилиями центральной политической воли и приводит лишь к довольно большому количеству нерегулярных коррупционных транзакций между разными людьми.

⁶⁴ *Beke M., Cardona F., Blomeyer R.* Political and Other Forms of Corruption in the Attribution of Public Procurement Contracts and Allocation of EU Funds: Extent of the Phenomenon and Overview of Practices. Brussels: European Parliament Policy Department, 2013. P. 27.

⁶⁵ *Kornai J.* Hidden in an Envelope: Gratitude Payments to Medical Doctors in Hungary // The Paradoxes of Unintended Consequences. Budapest: CEU Press, 2000. P. 1–15; Patients Bearing Gifts // The Economist. 24.03.2015. URL: <https://www.economist.com/europe/2015/03/24/patients-bearing-gifts>.

• **Коррупцию можно назвать системной**, если она становится системой, то есть коррупционной машиной с постоянными связями. При этом она подкреплена организующими усилиями центральной политической воли и приводит к регулярным коррупционным транзакциям между определенными людьми.

Антонимами эндемичной и системной коррупции являются «**эпизодическая**» и «**несистемная**», соответственно. Как пишет Жан Картье-Брессон, в случае несистемной коррупции «не существует правил игры, а коррупционный обмен по своей природе нестабилен и совершается между акторами, которые изначально не знакомы друг с другом. В таких условиях существует высокая неопределенность как по отношению к сумме транзакции, так и по отношению к ее результату»⁶⁶. С другой стороны, при систематизации коррупция выводится на уровень «политического, экономического и социального обмена. Происходит организация коррупции социальными сетями, что позволяет по-настоящему институционализировать этот процесс»⁶⁷.

Еще одним измерением типологии коррупции, представленной в Таблице 5.2, является **способ коррупционного обмена**. В этом смысле необходимо различать два разных типа платежа: взятка и плата за крышу.

◆ **Взятка** – это тип денежного или иного вида платежа, осуществляемого неформально и добровольно в обмен на предоставление коррупционной услуги.

◆ **Плата за крышу** – это тип денежного или иного вида платежа, осуществляемого неофициально и под давлением, проявляющемся в актах вымогательства со стороны патрона.

К категории взяток относятся любые взятки и откаты, выплачиваемые в рамках коррупции на свободном рынке и протекции для корешей. Плата за крышу вымогается у подчиненных посредников из частного сектора или административных служащих, которые могут получать не вознаграждения за сопровождение коррупции, а возможность сохранить свою позицию и не попасть под преследование в рамках политически выборочного правоприменения. В то время как взятка обычно выплачивается в денежной форме, плата за крышу при захвате государства сверху вниз или в криминально-государственной модели, как правило, подразумевает выполнение определенных услуг и обязанностей подчиненными акторами.

Еще одним типологическим измерением коррупции является ее **регулярность и продолжительность**. В коррупции на свободном рынке сговор заканчивается сразу же, как только заканчивается сам коррупционный акт, а его участники получают то, чего добивались. В случае успеха частный актор получает интересующую его услугу, а административный служащий – взятку. Когда речь идет о протекции для корешей, обмен между сторонами не обязательно происходит синхронно. Как пишут исследователи этого вопроса, взаимоотношения между корешами обычно основываются на взаимности, подразумевающей, что «сторона А делает нечто ценное для стороны Б, не зная, когда Б окажет А ответную услугу (и окажет ли ее вообще), или что сторона А отвечает взаимностью на ранее оказанную Б услугу»⁶⁸. Таким образом, **протекция для корешей** может расцениваться как **обоюдная инвестиция во взаимные одолжения**, осуществляемая и принимаемая добровольно обоими участниками процесса. В случае с криминально-государственной моделью ситуация отличается, потому что в ней присутствуют патронально-клиентарные отношения, внутри которых клиенты находятся в принудительно подчиненном положении. В сформировавшейся однопирамидальной патрональной сети, «плата» подставному лицу, осуществляемая в виде компаний, которые номини-

⁶⁶ Cartier-Bresson J. Corruption Networks, Transaction Security and Illegal Social Exchange // Political Studies. 1997. Vol. 45. № 3. P. 466.

⁶⁷ Cartier-Bresson J. Corruption Networks, Transaction Security and Illegal Social Exchange. P. 466.

⁶⁸ Khatri N., Tsang E. W. K., Begley T. Cronyism: A Cross-Cultural Analysis. P. 62.

нально передаются этому лицу, никак не компенсируется верховному патрону сразу после их передачи. Но поскольку на практике верховный патрон сохраняет свою власть над собственностью подставного лица, в дальнейшем он может распоряжаться ею, как ему вздумается.

Два других **измерения**, тесно связанные с предыдущим, это **автономность**, которая определяет возможность свободного входа участников в коррупционные отношения, и **зависимость**, которая описывает возможные опции выхода из коррупционных отношений. Когда коррупционные сделки происходят нерегулярно, как бывает при добровольных формах коррупции, автономность участников полностью сохраняется, а отношений зависимости не возникает. **Когда транзакции происходят регулярно, вероятность возникновения зависимости увеличивается**, особенно потому, что чем более незаконными являются действия коррупционеров, тем легче обеим сторонам сделки прибегнуть к шантажу, принуждающему продолжить коррупционную деятельность. **Принудительный сговор также, очевидно, подразумевает зависимость**, так как даже вход одной из сторон в такой сговор не является добровольным. Что касается автономии, частичный характер захватов государства позволяет некоторым их участникам сохранить относительную автономию, переговорную позицию и конкурентоспособность. Однако **в криминально-государственной модели монопольным обладателем автономии является верховный патрон**. Это означает, что, во-первых, он единственный актер режима, который фактически никому не подчиняется, а во-вторых, он может делегировать частичную автономию с ограниченным набором полномочий субпатронам из своей патронально-клиентарной сети. Таким образом, **субпатроны являются одновременно патронами и клиентами**: клиентами по отношению к главному патрону и патронами по отношению к клиентам, находящимся на более низких уровнях приемной политической семьи. Важно отметить, что если речь идет о сравнении разных типов коррупции, то такие случаи характеризуются скорее вымогательством со стороны политических акторов по отношению к частным акторам и налогоплательщикам (через договоры или, как происходит в криминальном государстве, привилегии для подчиненных олигархов), чем притязаниями частных акторов по отношению к политическим, которые направлены снизу вверх.

Наконец, **в случаях коррупции на свободном рынке и протекции для корешей смешение сфер социального действия остается частичным и нерегулярным**. Поэтому мы можем, несмотря на (эпизодическое) присутствие случаев добровольной коррупции, рассматривать эти режимы с коррумпированным государством как режимы с преимущественно разделенными сферами социального действия. Такая позиция обоснована, потому что, с точки зрения идеальных типов, как и в случае с лоббированием, выгоды, приобретенные политическими акторами, обычно остаются в их собственной социальной сфере, что означает, что политические акторы не примеряют на себя роль рыночных игроков. До тех пор, пока коррупция не подразумевает постоянные взаимоотношения, постоянного смешения сфер социального действия не происходит.

Как только коррупционные отношения становятся постоянными, а патрон, находящийся внутри одной сферы социального действия, приобретает власть внутри другой сферы через формальные полномочия своего клиента [♦ 3.2], **смешение сфер социального действия также становится постоянным и потенциально системообразующим свойством такого политического режима**. Это происходит в случае сговора, инициированного государственным органом, а также во всех трех типах принудительной коррупции. **Члены экономической элиты**, формально не включенные в сферу политического действия, приобретают неформальную политическую власть и **становятся олигархами**. **Члены политической элиты**, формально не включенные в экономическую сферу, приобретают неформальную экономическую власть и **становятся полигархами**. Безусловно, степень смешения варьируется от случая к случаю. При захватах государства, которые всегда остаются частичными, лишь некоторые экономические акторы становятся олигархами, а политические – полигархами, что

означает, что внутри каждой сферы остаются части, не подвергшиеся смещению. **И только в случае криминально-государственной модели происходит полное смещение политической и экономической сфер социального действия**, а ее верховный патрон становится главным полигархом и получает полный контроль над всей экономикой через свою однопиримидальную патрональную сеть.

5.3.3.2. Типология брокеров-коррупционеров

Говоря о коррупционных схемах идеального типа, мы упростили картину, представив отношения между акторами как непосредственные контакты между ними. Это упрощение было сделано для ясности, чтобы основные свойства различных типов коррупции не потерялись за переизбытком деталей. Однако теперь мы можем раскрыть этот момент подробнее и отметить, что, хотя прямые контакты между акторами возможны, в целом стороны коррупционных сделок обмениваются информацией и управляют коррупционной сетью зачастую косвенно, через посредников. В Главе 3 мы уже представляли этот тип актора, который обозначили как **брокера-коррупционера**. Напомним, что брокер-коррупционер в качестве посредника связывает участников коррупционной сделки или в качестве специалиста по праву легитимизирует незаконные коммерческие сделки [♦ 3.4.2].

Наличие брокеров-коррупционеров и брокеров в целом **вызвано так называемыми структурными разрывами**, то есть разницей между фактическим и формальным / юридическим положением акторов, желающих участвовать в коррупционных сделках⁶⁹. Как отмечает Янчич, такие сделки «имеют значительно более высокие транзакционные издержки, чем законные экономические операции, поскольку акторы вынуждены втайне от всех находить своих компаньонов по коррупции. Кроме того, если один из них нарушает условия коррупционной сделки, другой не может получить помощь от правовых институтов, таких как полиция или судебные органы, чтобы принудить его к исполнению первоначальных условий. Все эти факторы делают коррупционные сделки особенно рискованными. Брокеры-коррупционеры играют важную роль в снижении этих рисков и шаткости соглашений, а значит, и уменьшают транзакционные издержки коррупции. Они помогают свести партнеров по коррупции друг с другом и выступают гарантами в случае низкого уровня доверия между ними. В некоторых случаях они обеспечивают полную конфиденциальность своим принципалам, скрывая их реальную личность от другой стороны»⁷⁰.

Тогда как структурные разрывы в целом **можно найти в основании любого типа коррупции**, различные ее формы содержат разные типы этих разрывов, и потому для проведения сделок используются разные типы брокеров-коррупционеров. В Таблице 5.3⁷¹ приведена их типология с указанием (1) типа коррупции, для которого их участие наиболее характерно; (2) их принципала, то есть персоны идеального типа, на которую они работают; (3) структурных разрывов, требующих посредничества; (4) их основных функций и (5) акторов, которых брокеры включают в сеть, чтобы преодолеть структурный разрыв и сделать коррупционную сделку, а также извлечение из нее прибыли возможными.

Итак, первый тип – это независимый брокер:

♦ *Независимый брокер* – это брокер-коррупционер, который не принадлежит ни к какой конкретной сети власти (политической, экономической или патрональной). Другими словами, его услугами может воспользоваться любой человек, независимо от его связей во

⁶⁹ Burt R. Structural Holes: The Social Structure of Competition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1995.

⁷⁰ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 131–132.

⁷¹ Мы глубоко признательны Давиду Янчичу за комментарии и дополнения к этой таблице.

властных кругах. Его основная функция – находить для коррупционного спроса подходящее предложение на низких уровнях государственного управления.

Если речь идет о коррупции на свободном рынке, незаконный характер заключаемых сделок порождает **структурный разрыв между коррупционным спросом и предложением**. Частный актер не знает, кто из административных служащих коррумпирован (то есть кого можно подкупить и кто заслуживает достаточного доверия), тогда как административные служащие не могут рекламировать свои коррупционные услуги клиентам. Для связи этих акторов и появляется независимый брокер, который обеспечивает коррупционный спрос подходящим предложением, делая коррупцию на свободном рынке возможной⁷². Услуги независимых брокеров могут быть полезны в тех случаях протекции для корешей, которые не имеют покровительственной составляющей, например, когда частный актер из элиты хочет заключить разовую сделку с представителем политической элиты, но не знает, к кому обратиться и нуждается в гарантиях, что сделка будет соответствовать всем оговоренным условиям, а его конфиденциальность будет соблюдена.

Таблица 5.3: Типология брокеров-коррупционеров. Переработанный материал на основании работы: Jancsics D. *From Local Cliques to Mafia State*. P. 129–147.

Тип коррупции	Принципал брокера	Структурный разрыв между...	Основные функции брокера	Актеры, которых брокер включает в сеть
Независимый брокер	Частный актер (элиты или незлиты), административный служащий (незлиты)	коррупционным спросом и предложением	Обеспечение коррупционного спроса предложением	Не существует
Брокер группы корешей	Частный актер (элиты), административный служащий (элиты), государственный актер (элиты или незлиты)			
Брокер государственного органа	Сговор, инициированный государственным органом	Административный служащий (элиты)	Отключение механизмов контроля	Частные предприниматели (подрядчики), отмывальщики денег
Брокер олигарха	Захват государства снизу вверх	Частный актер (элиты)	Отключение механизмов контроля, надзор за коррупционной сделкой	Политики, отмывальщики денег
Брокер помегарха	Захват государства сверху вниз	Государственный актер (элиты или незлиты)	Отключение механизмов контроля, надзор за коррупционной сделкой	Частные предприниматели, отмывальщики денег
Учрежденческий куратор		Государственный актер (элиты)	Противодействие экономической ответственности	Не существует
Проектировщик коррупции	Захват государства сверху вниз, криминально-государственная модель	Частный актер (элиты) или государственный актер (элиты)	Официальное оформление незаконных сделок	Частные предприниматели (подрядчики), отмывальщики денег
Экономическое подставное лицо		Частный актер (элиты) или государственный актер (элиты)	Хранение незаконного состояния, противодействие экономической ответственности	Не существует

Противоположностью независимого брокера является брокер-представитель, четыре подтипа которого приведены в таблице⁷³:

◆ **Брокер-представитель** – это брокер-коррупционер, который принадлежит к конкретной сети власти (политической, экономической или патрональной). Другими словами, его услугами пользуются люди, принадлежащие к конкретной сфере власти, или иногда определенный человек, олигарх или полигарх.

◆ **Брокер группы корешей** – это брокер-представитель, который участвует в протекции для корешей, предоставляя услуги любой из сторон, будь то частный или публичный актер. Его основная функция – находить

⁷² Jancsics D. «A Friend Gave Me a Phone Number».

⁷³ Jancsics D. *From Local Cliques to Mafia State*. P. 131–136.

для коррупционного спроса подходящее предложение на высших уровнях государственного управления.

◆ **Брокер государственного органа** – это брокер-представитель, услугами которого пользуется принадлежащий к элитам административный служащий, который запрашивает коррупционную сделку в ходе сговора, инициированного государственным органом. Его основная функция – отключение механизмов контроля, а также привлечение отмывальщиков денег и частных предпринимателей, которые становятся постоянными субподрядчиками коррумпированной государственной организации.

◆ **Брокер олигарха** – это брокер-представитель, услугами которого пользуется принадлежащий к элитам частный актор (олигарх) в ходе захвата государства снизу вверх. Его основная функция – отключение механизмов контроля, а также налаживание связей между отмывальщиками денег и политиками, получающими коррупционные предложения от олигархов через брокера. Кроме того, он осуществляет надзор за коррупционной сделкой.

◆ **Брокер полигарха** – это брокер-представитель, услугами которого пользуется государственный актор (полигарх) в ходе захвата государства сверху вниз. Его основная функция – отключение механизмов контроля, а также привлечение отмывальщиков денег и частных предпринимателей, получающих коррупционные предложения от полигархов через брокера. Кроме того, он осуществляет надзор за коррупционной сделкой.

Фактически, мы дали определение брокерам, которые характерны для четырех типов коррупции, последовательно представленных в Таблице 5.2. **Брокер группы корешей** больше всего похож на независимого брокера, поскольку он тоже организует несистематические сделки между незнакомцами. Однако между ними есть два отличия: (1) брокер группы корешей не является независимым, потому что он регулярно оказывает свои услуги определенному актору, и (2) он находит для коррупционного спроса подходящее предложение на высоких уровнях социальной иерархии.

Три других типа брокеров-представителей обеспечивают проведение сделок в рамках системной коррупции, то есть в ходе сговора, инициированного государственным предприятием, а также захвата государства сверху вниз и снизу вверх. В каждом из этих случаев акторы знают, к кому обратиться с предложением коррупционной сделки, а в ходе захвата они могут даже использовать принуждение для выстраивания своей коррупционной схемы. **Структурный разрыв, для преодоления которого требуются брокерские услуги, состоит в наличии этой схемы и противоречащего ей действующего законодательства**, то есть брокеры необходимы для отключения механизмов контроля. «По мере своего роста, – пишет Янчич, – коррупционные сети сталкиваются с возрастающими внешними рисками со стороны различных институтов, таких как судебные и налоговые органы, аудиторские организации и средства массовой информации. Одной из основных задач брокеров-представителей является связь с этими внешними институтами и отключение их механизмов контроля. Это означает, что самые влиятельные акторы <...> имеют во многих местах своих „инсайдеров“. Такие брокеры способны защитить коррупционную сеть от властей и помешать проведению расследования»⁷⁴.

Другой функцией брокеров в системных коррупционных сделках является **сокрытие доходов, полученных от коррупции, путем привлечения (международных) отмывальщиков денег**⁷⁵. В отличие от протекции для корешей, где не происходит системного выкачива-

⁷⁴ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 135.

⁷⁵ Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C. Laundering Cash, Whitewashing Reputations.

ния государственных средств, системная коррупция требует наличия «коррупционных прачечных», то есть схем по отмыванию денег⁷⁶, встроенных в коррупционную сеть. Таким образом, эту функцию брокеров-коррупционеров можно рассматривать как особый случай отключения механизмов контроля, однако здесь предполагается **участие в сети новых акторов**, а именно тех, кто предлагает услуги по отмыванию денег.

Брокеры олигархов и полигархов, предоставляющие услуги при захвате государства снизу вверх и сверху вниз, соответственно, представляют интересы своих принципалов в их сферах неформального влияния. Они содействуют включению акторов, политиков или предпринимателей в коррупционную сеть, а также выполняют роль надзирателей за исполнением коррупционных неформальных «контрактов» и беспрепятственного потока услуг при отсутствии официальных проверок. Поскольку такие брокеры-представители могут влиять на механизмы контроля, по сути, они могут, хотя и в ограниченной мере, инициировать выборочное правоприменение, **отключая механизмы контроля в отношении заслуживающих доверия коррумпированных участников сети и вновь активируя их, когда кто-то нарушает свое слово**. «Если [коррупционный] платеж задерживается, организаторы коррупции могут накладывать различные виды санкций [на частных акторов]: органы власти могут отказать в принятии счет-фактуры фирмы, заморозить ее банковские счета, а аудиторские организации могут начать непредусмотренную проверку»⁷⁷.

Посредничество в принудительных коррупционных сделках также отличается от такового в **непринудительных**, потому что в последнем случае обе **стороны могут иметь собственных брокеров-представителей**. Однако **при принудительной коррупции** или когда добровольные узы взаимовыгодной торговли заменяются принудительными патронально-клиентарными цепями, **брокера имеет только доминантный актор**, тогда как подчиняющиеся ему акторы, как правило, теряют возможность диктовать свои условия и вынуждены подчиняться приказам патрона через принуждение.

Если рассматривать стабильную систему присвоенного сверху вниз государства или криминального государства, например в каком-либо местном самоуправлении, то можно заметить, что ей свойственны три других типа брокеров. О двух из них речь уже шла в предыдущей главе сразу после того, как мы дали общее определение для брокера-коррупционера:

◆ **Учрежденческий куратор** – это брокер-коррупционер внутри системы государственного управления, услугами которого пользуется патрон (в рамках неформальной патрональной сети). Его основная функция – противодействие юридической ответственности, то есть обеспечение необходимых бюрократических условий для проведения незаконных сделок и их защита.

◆ **Проектировщик коррупции** – это брокер-коррупционер вне системы государственного управления, услугами которого пользуется патрон (в рамках неформальной патрональной сети). Проектировщиками коррупции могут быть как индивиды, например брокеры-коррупционеры, налаживающие работу (международных) коррупционных прачечных, так и фирмы, главная функция которых – способствовать процессу передачи государственных средств в частные руки.

Третий (и последний) тип брокера-коррупционера, который не был представлен ранее в качестве такового, это **экономическое подставное лицо**. Этот тип акторов может, несомненно, рассматриваться как особый тип брокера-представителя, который **призван преодолевать структурный разрыв между формальным положением олигарха / полигарха и**

⁷⁶ Конечно, кланы могут нанимать брокера для отмывания денег, полученных в ходе единичной сделки, но мы полагаем, что такая ситуация не представляет собой идеальный тип.

⁷⁷ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 136.

его фактическим состоянием⁷⁸. Кроме того, как отмечает Янчич, экономическое подставное лицо также выполняет функцию противодействия экономической ответственности, то есть он «может выступать в роли козла отпущения, что снижает риски для олигарха. Когда что-то идет не так, [подставное лицо] несет ответственность за налоговые, зарплатные или ипотечные долги подставной компании, тогда как ее реальный владелец остается в тени. Существует множество примеров схем, когда компания [подставного лица] <...> терпела банкротство и не могла оплатить услуги других предпринимателей и поставщиков. В таких случаях пострадавшие фирмы никогда не получают свои деньги, поскольку у подставной компании нет никаких активов, ведь они опустошаются до объявления о ее банкротстве»⁷⁹.

5.3.3.3. От коррупционного риска до нормализации коррупции в госзакупках: пример Венгрии

В то время как абстрактная дискуссия о типах коррупции, которую мы вели до сих пор, помогла заложить аналитические основания для изучения коррупции как явления, теперь полезно будет поближе взглянуть на конкретные **примеры**, помогающие проиллюстрировать описанные выше различия между разными типами коррупции. Первым делом мы приводим более общее описание процедуры госзакупок и объясняем, как определенная переменная – уровень завышения цены – зависит от типа коррупции. Затем мы обращаем более пристальное внимание на то, как изменялся процесс проведения тендеров на госзакупки в Венгрии с 2009 по 2015 год. На основании анализа имеющихся данных мы приходим к выводу, что в Венгрии сформировалось криминальное государство.

Мы выбираем Венгрию в качестве примера по трем основным причинам. Во-первых, Венгрия является посткоммунистическим государством, которое в указанный выше период превратилось из патрональной демократии в патрональную автократию, и одним из главных признаков этого превращения было появление системной коррупции в виде криминального государства. Во-вторых, в то время как многие постсоветские патрональные автократии часто опираются на природные ресурсы как источник подлежащей распределению ренты [♦ 7.4.6.1], Венгрия не богата природными ресурсами. Поэтому патрональные акторы вынуждены опираться на такие ресурсы, как деньги Евросоюза и государственные инвестиции, обычно извлекаемые через систему госзакупок [♦ 7.4.6.2]. В-третьих, и что, пожалуй, важнее всего, в Венгрии есть то, чего нет во многих других патрональных автократиях – доступ к большим массивам данных о госзакупках. Как правило, данных, прямо указывающих на коррупционную деятельность, не существует, поэтому исследователи этого феномена обычно основывают свои выводы либо на подробном изучении институциональных механизмов в определенном политическом режиме, либо на индексе восприятия коррупции, измеряемом через социологические опросы предпринимателей или рядовых граждан. Однако несмотря на то, что модель изучения коррупции, основанная на мозаичном наборе подробных описаний конкретных примеров и правовом анализе, безусловно, является полезной, метод, который смог бы точно подтвердить факт ведения коррупционной деятельности криминально-государственного типа на основании анализа большой выборки индивидуальных транзакций, несомненно, дал бы нам более точное представление об этом феномене. Попытки осуществить подобный анализ, как правило, наталкиваются на ряд ограничений, самым главным из которых является тот факт, что информация о решениях, принимаемых во время проведения госзакупок, обычно не собирается в базы данных, доступные для детального изучения. Однако исследование большого набора данных, которое провел Иштван Янош Тот из Будапештского центра исследования коррупции,

⁷⁸ Ibid. P. 140–142.

⁷⁹ Jancsics D. From Local Cliques to Mafia State. P. 141–142.

предоставляет собой уникальную для посткоммунистического региона возможность увидеть своими глазами признаки наличия государственной коррупции, осуществляемой сверху вниз, на примере базы данных, включающей в себя информацию о более чем 120 тысячах тендеров на госзакупки, проведенных в 2009-2015 годах⁸⁰. Информация, которую мы приводим ниже, основана на подсчетах Тота и его коллег.

В более общих терминах процесс госзакупок, то есть **деятельность, направленная на достижение целей публичной политики через проведение открытых торгов**, может быть разделен на три стадии⁸¹:

1. претендерная стадия, включающая в себя оценку потребностей (разработка управленческой модели и конкретного проекта внутри нее) и планирование торгов;

2. тендерная стадия, включающая в себя приглашение на тендер, получение и обработку заявок, а также заключение договора с победителем;

3. посттендерная стадия, включающая в себя апелляции (предъявляемые комиссии по госзакупкам или суду) и эпизодические расследования, проводимые контрольными государственными органами, обладающими необходимыми полномочиями для наложения официальных санкций (Государственное надзорное управление, Управление государственного аудита, Государственный прокурор).

В либеральных демократиях все три фазы отделены друг от друга не только по содержанию, но и в плане участников и исполнителей. Несмотря на то, что разные стадии относятся к разным областям компетенции и уровням правительства, в демократическом контексте разделение стадий позволяет добиться прозрачности процедуры, а также заставляет правительство придерживаться установленных законом правил и организовывать честную конкуренцию под давлением как самих членов правительства, так и независимых надзорных органов.

В таких условиях **главным полем для коррупционной деятельности является тендерная стадия**. Именно на этом этапе запрашиватель коррупции (участник тендера) встречается с поставщиком коррупции (член оценочной комиссии). Коррупционное предложение делается добровольно, а стоимость услуги компенсируется взяткой. В таком виде эта деятельность похожа на **коррупцию на свободном рынке**, так как предполагаемый победитель тендера не навязывается сверху, и некоторый уровень конкуренции сохраняется в том, что касается размера взятки. Взятка или добавочный доход иногда включаются в **завышенную цену предложения**. Однако другие участники тендера могут предложить свою цену ниже той, на которую договорились участники коррупционной сделки, что устанавливает некоторое ограничение на их аппетиты. Так, участник оценочной комиссии не может объявить победителем участника, предложившего заоблачную цену. Это в интересах обеих сторон, так как проигравшие, а также те, кто по какой-то причине не был допущен к торгам, могут оспорить необоснованное решение и быть объявленными победителями тендера по решению Комиссии по госзакупкам или суда (на посттендерной стадии). Поэтому в подобном случае **уровень завышения цены ограничивается обстоятельствами**, напоминающими свободный рынок, где возможность оспаривания рыночно нецелесообразных решений оказывает сдерживающее влияние на коррумпированных акторов.

Уровень завышения цены может возрастать, если, например, в сговоре участвуют не только конкурсант и член тендерной комиссии, но и человек, готовящий тендерную документацию, а также если проводятся какие-либо манипуляции со сроком подачи заявки и

⁸⁰ Competitive Intensity and Corruption Risks: Statistical Analysis of Hungarian Public Procurement – 2009–2015. Data and Descriptive Statistics // Corruption Research Center Budapest, 2016. URL: <http://www.crcb.eu/?p=943>. Еще одним примером исследования, похожего на наше, является: *Fierăscu S. Redefining State Capture: The Institutionalization of Corruption Networks in Hungarian Public Procurement*. Bucharest: Editura Eikon, 2019.

⁸¹ *Beke M., Cardona F., Blomeyer R. Political and Other Forms of Corruption in the Attribution of Public Procurement Contracts and Allocation of EU Funds*. P. 29.

другими чисто техническими моментами (на претендерной стадии). Так происходит в случае **протекции для корешей** или **захвата государства снизу вверх**, при которых намеренно затрудняется работа независимых надзорных органов в силу того, что сама тендерная процедура прописана так, что большая часть потенциальных конкурентов отсекается вполне «законно». Также в случаях **сговора, инициированного государственным органом**, и **захвата государства сверху вниз** у инициатора коррупции есть доступ к стадиям проведения госзакупок на той ограниченной территории, которой он управляет, включая тендерную и, возможно, претендерную стадии. Однако несмотря на то, что такие формы коррупции могут способствовать организации тендеров, в которых желаемый участник, скорее всего, победит, они, как правило, **не приводят к бесконтрольному завышению цены предложений, потому что надзорные органы все еще могут вернуть необоснованно исключенных конкурсантов в игру.**

Наконец, **уровень завышения цены может быть полностью бесконтрольным** только в условиях **криминального государства**, где инициатор коррупции – верховный патрон – имеет возможность влиять на все три стадии проведения госзакупок. Управляющая рука мафиозного государства мониторит и координирует планирование тендеров, приглашение к участию в них, а также оценку отдельных лиц и компаний. Она также не забывает позаботиться о том, чтобы проигравшие участники ни при каких обстоятельствах не смогли добиться удовлетворения своих апелляций. Кроме того, она **гарантирует, что аудиторы и правоохранительные органы не могут накладывать взыскания** на составителей тендерной документации и участников оценочной комиссии за их предвзятые решения. Они попутно уничтожают возможность появления коррупции на свободном рынке, так как при таком раскладе победителя тендера выбирают уже не члены оценочной комиссии, а вся система оценки и управления целиком. **Оценщик больше не подкупается, а скорее вознаграждается возможностью сохранить свой статус.**

Бесконтрольному завышению цены способствуют ситуации, когда саму госзакупку сложно стандартизировать (например, закупка информационных технологий). В случаях, когда предметом сделки является что-то, что легче поддается стандартизации (например, услуги, оборудование и материалы внутри строительной сферы), завышение цены часто производится задним числом: посредством увеличения стоимости работ в силу «непредвиденных обстоятельств» и «дополнительного объема работ». (Естественно, при такой системе централизованного коррупционного сговора, победители тендеров всегда допускаются и к дальнейшим торгам несмотря на то, что они случайно или намеренно доказали свою неспособность заранее оценить объем предстоящих работ.)

Стоит отметить, что в такой ситуации **понятие «коррупционный риск»**, часто используемое в существующей литературе на данную тему, **полностью теряет всякий смысл.** Ведь слово «риск» подразумевает, что по умолчанию государство подчиняется принципу общественных интересов и всячески пытается реализовать общественное благо, проводя госзакупки, но при этом существует риск, что некоторые коррумпированные акторы из частного сектора, а также девиантные государственные служащие могут попытаться помешать реализации этой цели. В случае криминального государства мы, напротив, можем говорить о полной **«нормализации коррупции»**, когда она становится обычным порядком вещей, а стремление к осуществлению общественных интересов – девиацией. Действительно, в системе координат криминального государства скорее можно говорить о риске того, что девиантный государственный служащий вдруг решит действовать в интересах общества вместо того, чтобы покорно исполнять возложенную на него функцию сопровождения или осуществления коррупционной сделки⁸².

⁸² Естественно, в криминальном государстве все еще существует коррупционный риск в том смысле, что девиантные госу-

Резюмируя вышеизложенное, **полностью бесконтрольное завышение цены при госзакупках возможно лишь внутри криминального государства, полностью управляемого государственным центром**. Таким образом, уровень завышения цен при проведении тендеров на госзакупки может указывать на присутствие или отсутствие коррупционного давления сверху вниз, что, в свою очередь, позволяет подкрепить количественно и отделить такой тип режима – патрональную автократию – от других более «привычных» и распространенных типов коррумпированных режимов. Для патрональной автократии коррупция является основополагающим элементом системы, тогда как для других типов режимов она представляет собой лишь неприятный побочный эффект.

Описав процесс того, как коррупция проникает на разные стадии проведения тендеров на госзакупки, уместно будет обратиться к **конкретному примеру Венгрии**. Стоит, однако, отметить, что в этом случае существуют некоторые ограничения на описание полностью достоверной картины функционирования криминального государства, вызванные **изменениями и манипуляцией венгерским законом о госзакупках после 2010 года**, результатом чего стало сокращение объемов госзакупок, которые возможно проводить без политического вмешательства и дискреционных решений⁸³. Эти изменения действительно отразили в полной мере установление и укрепление криминального государства. Сумма государственных средств, которые можно потратить без проведения тендера, была увеличена; временной период для подачи заявки был сокращен; в то время как относительный вес цены предложения опустился до 50 %, тогда как остальная часть финальной оценки отдана на откуп политически мотивированной комиссии, отталкивающейся от так называемых качественных (то есть субъективных) критериев. Все вышеперечисленные изменения создали возможности для осуществления ручного управления со стороны правительства, а также для построения крупномасштабных систем государственного перераспределения и широких сетей клиентов⁸⁴.

Другой аспект данного феномена заключается в том, что после 2010 года чиновникам нижнего и среднего уровня больше не позволено заниматься коррупцией на местах. Муниципальные институты и уполномоченные инстанции подверглись централизации и теперь подлежат тотальному политическому надзору со стороны вышестоящих чиновников, вследствие чего возможность осуществлять коррупционные сделки была отобрана у чиновников низшего и среднего уровней и закреплена за центральным государственным аппаратом⁸⁵. В то же время в случае особо крупных инвестпроектов государство имеет почти неограниченную власть определять те или иные инвестиции как стратегически важные или обосновывать затраты, ссылаясь на национальную безопасность. Эти приоритетные проекты не подпадают под стандартные законы о проведении госзакупок⁸⁶.

дарственные служащие могут попытаться удовлетворить свои собственные интересы в ущерб интересам приемной политической семьи [♦ 5.3.4.2]. Однако понятие «коррупционный риск» нужно использовать с особой осторожностью в этом контексте, потому как здесь речь идет не о ситуации, в которой какая-то государственная должность, главной целью которой является служение общественным интересам, эксплуатируется для извлечения личной выгоды, как считают многие исследователи коррупционного риска, а о ситуации, в которой уже коррумпированный чиновник может быть коррумпирован в другом направлении.

⁸³ TI. Black Book: Corruption in Hungary 2010–2018. Budapest: Civitas Institute and Transparency International Hungary. 29.03.2018. URL: https://transparency.hu/wp-content/uploads/2018/03/Black-Book_EN.pdf. P. 18–29.

⁸⁴ TI. Black Book. P. 18–29.

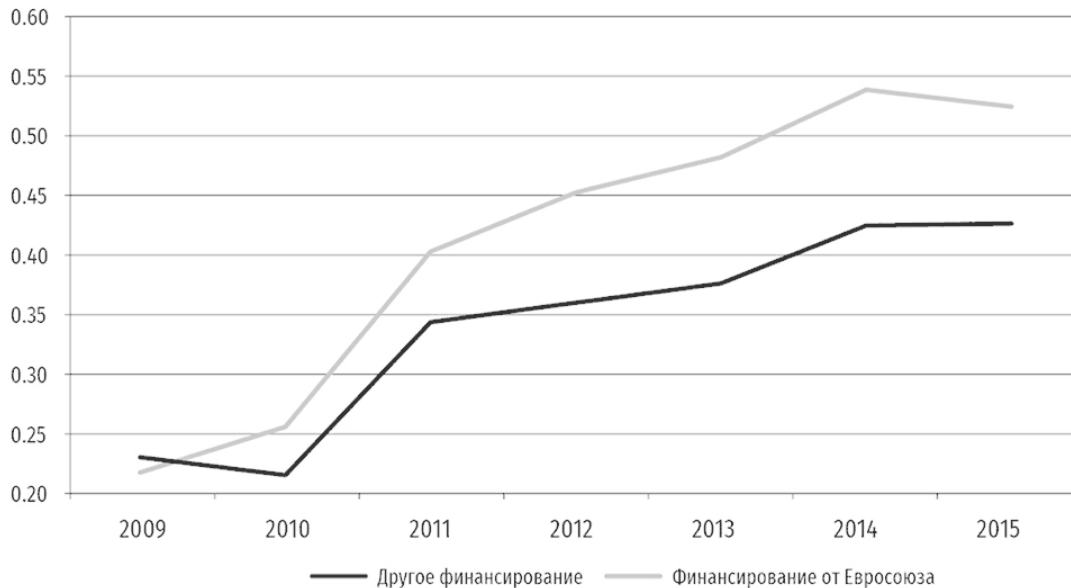
⁸⁵ Hegedüs J., Péteri G. Közzszolgáltatási Reformok És a Helyi Önkormányzatiság [Реформы государственного аппарата и органов местного самоуправления] // Szociológiai Szemle. 2015. Vol. 25. № 2. P. 90–119; Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 156–158.

⁸⁶ TI. Black Book. P. 28. По состоянию на момент написания этой книги ситуация изменилась еще радикальнее, приблизившись к криминальному государству идеального типа. В 2016 году правительство наделило себя полномочиями одобрять все тендеры на сумму, превышающую 300 млн форинтов (900 тыс. евро), а в конце 2018 года было создано несколько контролируемых государством агентств, чьей функцией стала организация и проведение тендеров в сфере строительства, спорта и информационных технологий на сумму свыше 700 млн форинтов (2,1 млн евро); в 2021 году деятельность компаний, ответственных за техническое выполнение и консультирование государственных закупок, была централизована и фактически

Для начала, не предполагая заранее, что в Венгрии сформировалось криминальное государство и нормализовалась коррупция, мы предлагаем взглянуть на изменения **коррупционного риска**, традиционно измеряемого на основании присутствия конкуренции и публичного объявления о проведении торгов. Мы наблюдаем **резкое увеличение** этого показателя после 2010 года. Как видно на Схеме 5.8, показатель, связанный с госзакупками, использующими деньги Евросоюза, был на уровне 0.21 в 2009 году. К 2011 году он вырос до 0.4 и достиг максимального значения 0.54 в 2014 году. Однако несмотря на то, что сами эти цифры могут потенциально указывать на системное, качественное изменение в процедуре проведения госзакупок, теоретически такую тенденцию можно объяснить участвовавшими случаями обычной коррупции и захвата государства как организованными государственными акторами, так и обходящимися без координации из единого центра.

Во-вторых, можно взглянуть на **изменение доли приглашений на торги, не афишируемых публично**. Данные Будапештского центра исследования коррупции показывают, что если в 2009 году лишь одна пятая часть приглашений к участию в тендерах не публиковались в открытом доступе, то к 2015 году доля таких приглашений составляла четыре пятых от их общего количества (Схема 5.9). Такой резкий скачок в количестве тендеров, не афишируемых публично, требует одобрения и активных действий со стороны чиновников (как минимум) среднего уровня. Самым безобидным объяснением этого тренда может служить наступление следующего эволюционного этапа в процессе захвата государства снизу вверх, так как факт большого количества тендеров, не объявленных публично, свидетельствует о наличии налаженных коррупционных каналов.

Схема 5.8: Коррупционный риск при проведении госзакупок в Венгрии, 2009–2015 годы (общее число закупок: 118 843). Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016

Пояснение: Индекс коррупционного риска равен нулю, если при проведении госзакупки имела место довольно сильная конкуренция, а также ей предшествовало публичное объявление о проведении торгов. Если же госзакупка была проведена без предварительного публичного объявления и при ее проведении не наблюдалось существенной конкуренции, то индекс корруп-

монополизирована государством, что в мафиозных государствах означает все более очевидное совпадение ролей подрядчика и инспектора (иногда того, кто объявляет тендер). См.: Szabó Y. Purgatorbánum; Brückner G. Az állam váratlanul beszántja a teljes hazai közbeszerzési piacot [Государство внезапно захватило весь рынок государственных закупок] // Telex.hu. 05.02.2021. URL: <https://telex.hu/gazdasag/2021/02/05/az-allam-varatlanul-beszantja-a-teljes-hazai-kozbeszerzesi-piacot>.

ционного риска равняется единице. Промежуточное значение 0,5 присваивается в тех случаях, когда отсутствует только один из факторов – либо конкуренция, либо объявление

С экономической точки зрения, более пристальное изучение тендерных заявок с завышенной ценой указывает на существенные различия между захватом государства снизу вверх и криминальным государством в том, что касается торгов, не объявляемых публично. На самом деле, решения о том, стоит ли делать публичное объявление о проведении тендера, а также о том, какого типа тендеры (открытые, договорные или ограниченные) должны использоваться при распределении государственных денег и денег Евросоюза, принимаются на уровне государственного правительства. Если правительство решит, что определенные типы госзакупок привлекают большое количество неполных предложений или предложений с очевидно завышенной стоимостью, оно теоретически может сделать все для того, чтобы такие тендеры проводились открыто и публично, а также объявлялись заранее. Учитывая тот факт, что даже для объявленных тендеров срок подачи заявки можно сделать практически невыполнимым, можно заключить, что существует некий механизм, с помощью которого будущие победители торгов регулярно получают информацию, необходимую для составления тендерной заявки до того, как тендер будет объявлен публично. Пожалуй, этот механизм можно назвать «тендерным замыканием». И он применяется еще до обсуждения рассылки приглашений к участию и подгонки описания искомой услуги или продукта под конкретных лиц или конкретные компании [♦ 4.3.4.2]. Таким образом, тендерное техническое задание четко подгоняется под предложение от организации, которая уже заранее была выбрана победителем. Такая практика не является набором несвязанных эпизодов, а представляет собой крупномасштабную схему, одобренную на самом верху.

Схема 5.9: Доля госзакупок, проведенных в рамках тендеров, не объявленных публично, в их процентном соотношении к общему количеству тендеров на госзакупки в Венгрии, 2009–2015 годы (Общее число закупок: 121 849). Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016

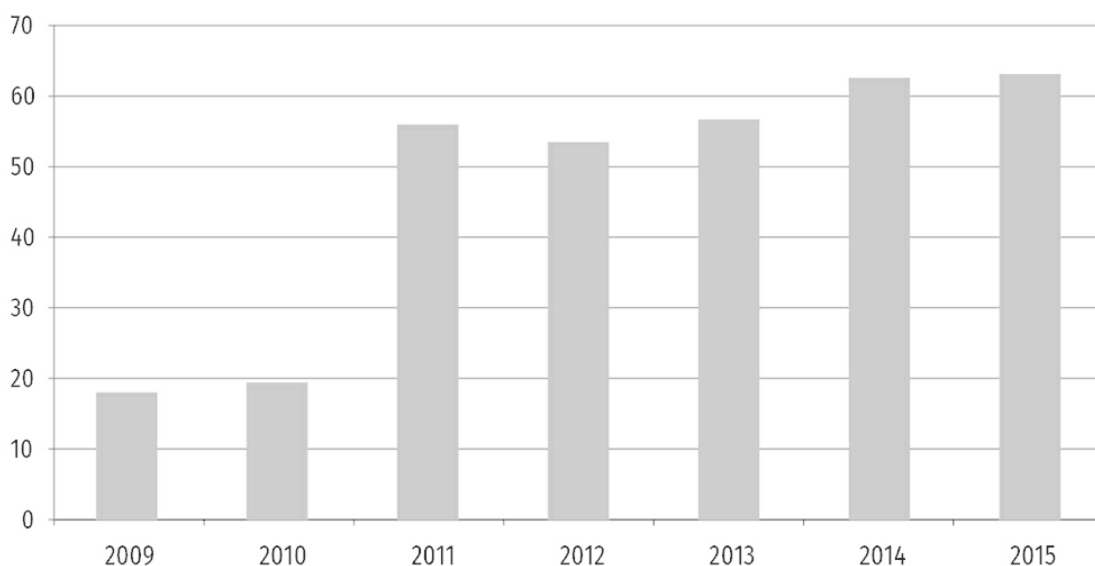
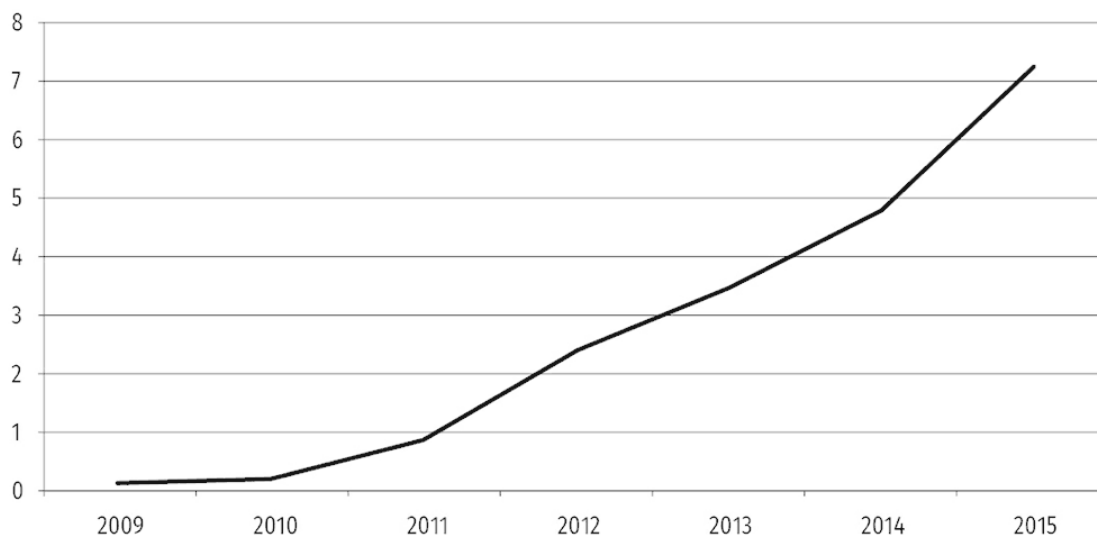

Схема 5.10: Ценовая деформация при проведении госзакупок в Венгрии, 2009–2015. Источник: Будапештский центр исследования коррупции, 2016

Пояснение: Среднеквадратичная погрешность стоимости контрактов на госзакупки в Венгрии по отношению к теоретическому распределению (по закону первой цифры Бенфорда) по годам, 2009–2015 годы, общее число закупок: 123 224

Кто-то может поспорить, что вышеописанный тренд все еще может являться последствием захвата государства снизу вверх или сверху вниз, так как сговора между автором тендера и членом оценочной комиссии, с одной стороны, и участником торгов – с другой, должно быть достаточно для осуществления подобных схем. Однако **уровень неконтролируемого завышения цены**, представленный на Схеме 5.10 и взлетевший на несколько порядков за исследуемый временной промежуток, не подтверждает гипотезу о частичном захвате государства.

Стоимость договоров по госзакупкам, заключенных в 2015 году, демонстрирует намного более высокую погрешность, чем в любой из предыдущих периодов. Цены тендерных предложений стали настолько далеки от цен, которые обычно формируются на свободном рынке, что такое изменение нельзя больше объяснить качественной трансформацией коррупционных сделок или простым увеличением объема коррупции. Масштаб изменения также больше не поддается объяснению через увеличение влияния на процесс госзакупок тех рынков, которые являются более коррумпированными по своей природе. **Таким образом, взлет уровня коррупции намного лучше объясняется присутствием централизованной организации и политической воли, нежели спонтанными процессами на свободном рынке.** В итоге приведенные цифры показывают, как коррупционный риск на свободном рынке перетек в нормализованную коррупцию, организуемую криминальной группой, которая управляется государством⁸⁷.

Пожалуй, уместным завершением разговора о Венгрии может быть обсуждение **конкретных данных о нормализации коррупции: то есть шансов на победу, которые имеют компании, аффилированные с приемной политической семьей.** Как объясняет

⁸⁷ Согласно Тоту и Хайду, введение нового типа госзакупок с низкой прозрачностью, но довольно простым управлением – это еще один фактор, подкрепляющий такую тенденцию. Венгерский закон о госзакупках был изменен в 2011 году, когда в него были внесены поправки, касающиеся закупок ниже 25 млн форинтов (75 тыс. евро), что привело к увеличению ценовой деформации и риска (санкционированной или несанкционированной) коррупции. См.: *Tóth I. J., Hajdu M. Versenyeroség, társadalmi veszteségek és a 25 millió forintos értékhatár rejtélye: 2009–2016 közötti magyar közbeszerzések statisztikai vizsgálata.* [Интенсивность конкуренции, социальные потери и загадка порога в 25 млн форинтов: Статистический анализ государственных закупок Венгрии с 2009 по 2016 год] // Working Paper. CRCB Working Papers, 2017. URL: http://www.crcb.eu/wp-content/uploads/2017/09/t25_2017_paper_170927.pdf.

Тот, если мы знаем, сколько раз та или иная компания побеждает и проигрывает, можно определить общую вероятность победы для этой компании, используя простую формулу (вероятность = количество выигранных тендеров / количество проигранных тендеров)⁸⁸. По этой формуле **компания, принадлежащие главному экономическому подставному лицу Виктора Орбана Лёринцу Месарошу** [♦ 5.5.4.3], имеют самые высокие шансы на победу в тендерах на строительные работы (на уровне 9.9). Этот показатель намного превышает шансы известных зарубежных компаний, таких как *Colas* (1.78), *Strabag* (2.57) или *Swietelsky* (1.61). Если взглянуть на проекты, финансируемые из средств Евросоюза, Месарош имеет даже бóльшие шансы на победу, точнее, **28-кратный шанс на временном промежутке между 2011 и 2018 годами (два поражения против 56 побед)**. Также если мы взглянем на то, как эти шансы менялись со временем, то обнаружим, что шансы главных игроков строительного рынка на победу по большому счету не изменились, тогда как шансы компаний Месароша буквально взлетели в 2017–2018 годах, когда они достигли 46-кратного значения (одно поражение против 46 побед)⁸⁹. Эти данные прямо указывают на то, что коррупционный «риск» превратился в нормализованную коррупцию, единственным риском внутри которой является маловероятный сценарий, что компания Месароша может проиграть тендер. Когда государство превращается в мафиозное государство, его главными мотивами становятся концентрация власти и личное обогащение политической элиты. Именно эти мотивы должны стать основанием для исследования политических действий в такой среде, а не идеал непредвзятого политика, заботящегося преимущественно об общественном благе и противопоставляющего себя коррумпированным административным служащим, время от времени злоупотребляющим своими полномочиями для достижения личной выгоды [♦ 7.4.7].

5.3.4. Измерение масштабов коррупции, криминальная экосистема и роль коррупционных средств в выживании режима

5.3.4.1. Критика мировых показателей коррупции

Подобно гибридологии, которая либо игнорирует наличие патрональных сетей, либо воспринимает их как отклонение от демократического идеала, **исследования коррупции также обычно предполагают, что коррупция – это девиация**, которую правительства и формальные институты пытаются устранить в стремлении к эффективной и более рациональной государственности⁹⁰. С одной стороны, такой подход подразумевает превосходство формального над неформальным, что означает, что в первую очередь государственные чиновники действуют и думают в соответствии со своим правовым положением, а незаконные злоупотребления властью носят лишь вторичный характер. С другой стороны, этот подход аналогичен подходу неоклассической макроэкономики, который утверждает, что государство всегда действует по принципу общественных интересов и, соответственно, стремится снизить ненадлежащее использование государственных средств. Такие допущения, свойственные многим традиционным подходам в области исследования коррупции, включая те, на которых базируются

⁸⁸ Мы благодарим Иштвана Яноша Тота за то, что он предоставил нам точные цифры по количеству выигранных и проигранных тендеров.

⁸⁹ *Tóth I. J.* Nyolc Ábra Egy Magyar Csodáról [Восемь примеров венгерского чуда] // G7 (блог). 21.05.2019. URL: <https://g7.hu/kozelet/20190521/nyolc-abra-egy-magyar-csodarol/>.

⁹⁰ *Baumann H.* A Failure of Governmentality: Why Transparency International Underestimated Corruption in Ben Ali's Tunisia // Third World Quarterly. 2017. Vol. 38. № 2. P. 467–482; *Fougner T.* Neoliberal Governance of States: The Role of Competitiveness Indexing and Country Benchmarking // Millennium. 2008. Vol. 37. № 2. P. 303–326.

мировые показатели коррупции, не позволяют осмыслить большинство из описанных нами типов коррупции, кроме коррупции на свободном рынке. Поэтому эти показатели **не подходят для описания специфики коррупции в посткоммунистическом регионе**.

Для подтверждения нашей точки зрения стоит поближе взглянуть на один из самых популярных показателей – на **Индекс восприятия коррупции** от *Transparency International*⁹¹. Он представляет собой составной индекс, ежегодно публикуемый для большинства стран мира. Как мы упоминали ранее, общее определение коррупции, которое предлагает *Transparency International*, это «злоупотребление вверенными полномочиями в целях личной выгоды», «в которых замешаны государственные должностные лица, государственные служащие и политические деятели»⁹². Однако, несмотря на широкое определение, в действительности *Transparency International* определяет более узкий диапазон типов коррупции. Если конкретнее, явления, которые пытается зафиксировать этот индекс, можно разделить на три группы. Первая – это рядовые случаи коррупции, когда неизвестно, кто инициирует злоупотребление властью или ради чьей выгоды это происходит. К ним относятся «использование государственных средств в личных целях» или «преобладание чиновников, использующих государственные должности в личных целях». Во вторую группу входят конкретные случаи, такие как «подкуп», «замена меритократического распределения государственных должностей nepotизмом» и «захват государства для удовлетворения узких частных интересов». Наконец, наибольшая группа явлений, на которых фокусируется Индекс восприятия коррупции, это институциональные гарантии: «способность правительств сдерживать коррупцию», «эффективные законы о раскрытии финансовой информации», «правовая защита для осведомителей и журналистов» или «доступ гражданского общества к информации, касающейся государственных дел»⁹³.

Общим для этих трех групп является вышеупомянутое допущение, что коррупция – это отклонение от нормы. В таком контексте государство понимается согласно его формальному определению: как институт, работающий преимущественно для общественного блага, где есть некоторые подчиненные, которые отклоняются от этой цели и злоупотребляют своим положением, запрашивая или принимая взятки и назначая своих корешей без законных на то оснований. Соответственно, две формы злоупотреблений, которые здесь рассматриваются, это влияние частных интересов на содержание законов и правил, то есть, в наших терминах, захват государства снизу вверх, и влияние на их применение, то есть, в наших терминах, коррупция на свободном рынке⁹⁴. Помимо этого, явления из третьей группы подразумевают, что государство действительно стремится к преследованию коррупции, просто оно может быть «не способно» делать это или в нем могут отсутствовать формальные правила, которые при их наличии помогли бы преодолеть неформальное влияние на ситуацию в целом.

Тот факт, что *Transparency International* рассматривает коррупцию как отклонение, означает, что Индекс восприятия коррупции не способен адекватно отображать существование различных видов коррупции, особенно тех ее форм, которые исходят от представителей власти. Эти массивы данных по-прежнему дают лишь ограниченное представление о масштабах коррупционных сделок, вероятно, инициированных под принуждением частными акторами, и о том, перерастут ли они в стадию захвата государства снизу вверх на системной основе. Однако они не дают представление о ситуациях, когда инициатором коррупционной сделки является не компания и не административные служащие или государственные администраторы, которые

⁹¹ Более детальный анализ Индекса восприятия коррупции см.: *Magyar B., Madlovics B. From petty corruption to criminal state.*

⁹² TI. Индекс восприятия коррупции за 2011 г. Часто задаваемые вопросы // URL: http://transparency.ee/cm/files/lisad/2_cpi2011_faqs_ru.pdf.

⁹³ TI, Corruption Perceptions Index 2017 – Full Source Description.

⁹⁴ Для обозначения коррупции на свободном рынке *Transparency International* использует термин «административная коррупция».

могут заниматься вымогательством, а само криминальное государство. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, приведем следующий пример: **показатели коррупции в мире учитывают опросы частных акторов на предмет того, должны ли они подкупать чиновников, чтобы «добиться цели»**, например, чтобы выиграть тендер на госзакупки. Но в этом опросе **не учитывается ситуация, когда у предпринимателя даже нет шанса подкупить кого-либо, ведь госзакупки уже распределены сверху**, а государственные чиновники должны просто утвердить выбранного клиента главного патрона в качестве победителя. Описанная модель криминального государства может наблюдаться в таких странах, как Венгрия, которые находятся в середине рейтинга стран от *Transparency International*, а также в таких странах, как Россия или посткоммунистические страны Центральной Азии, которые находятся внизу этого рейтинга⁹⁵.

5.3.4.2. Отношение криминального государства к несанкционированной противоправности

Оптика показателей мировой коррупции настроена так, чтобы отображать коррупцию на низких уровнях государства. Из этого следует, что **криминальные государства получают свои места в рейтингах** в соответствии не с фактическим масштабом коррупции в них, которая должна включать в себя коррупцию, исходящую от высших эшелонов власти, а **в зависимости от того, насколько они успешны в устранении коррупции на нижних уровнях**. Если криминальное государство принимает решительные меры в отношении коррупции на свободном рынке, оно может получить более высокий рейтинг, чем криминальное государство, которое не интересуется ей в достаточной мере или, возможно, даже подпитывает ее, при том что оба государства являются коррумпированными по своей сути.

Таким образом, мы приходим к более широкому вопросу об **отношении криминальных государств к несанкционированной противоправности**. Как уже говорилось выше, криминальное государство подразумевает, что верховный патрон, то есть глава исполнительной власти, управляет государством как организованной преступной группой, и, соответственно, члены неформальной патрональной сети занимаются незаконной деятельностью, которая является частью надлежащего функционирования государства. Однако они могут делать это, только если эту противоправность санкционировал, то есть разрешил, верховный патрон (крыша [♦ 3.6.3.1]). Таким образом, акторы, которые занимаются незаконной деятельностью за пределами патрональной сети и без разрешения верховного патрона, действуют в рамках несанкционированной противоправности.

У верховного патрона должен быть какой-то определенный подход или стратегия по отношению к несанкционированной противоправности, случаи которой варьируются от несистематических коррупционных сделок до формирования конкурирующих преступных группировок и кланов (которые могут даже способствовать развитию друг друга)⁹⁶. Описывая возможные подходы, стоит обратиться к Чарльзу Тилли и его фундаментальному труду «Доверие и правление», в котором он анализирует сосуществование формальных государственных структур и неформальных «сетей доверия» (*trust networks*) (преступные банды, тайные общества, религиозные секты и т. д.)⁹⁷. Тилли понимает это сосуществование как воплощение идущего снизу

⁹⁵ TI, TI, Corruption Perceptions Index 2017 – Full Source Description.

⁹⁶ Показательным является дело Аслана Гагиева и его криминального клана под названием «Семья», члены которого принадлежали к преступному миру, а также к политической сфере, включая министров и высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов. См.: *Anin R. The Brotherhood of Killers and Cops // Organized Crime and Corruption Reporting Project (OCCRP)*. 03.092018. URL: <https://www.occrp.org/en/daily/28-ccwatch/cc-watch-indepth/8539-the-brotherhood-of-killers-and-cops>. Подробнее о кланах см. Главу 3 [♦ 3.6.2.1].

⁹⁷ *Tilly C. Trust and Rule*. New York: Cambridge University Press, 2005.

вверх отношения частных акторов к государству и исходящего сверху отношения государства к частным акторам. Типы низовых коррупционных сделок, хотя и не обязательно подразумевающие наличие «сети», но, безусловно, неформальные и требующие доверия сторон, Тилли обозначает либо как (а) «укрывательство» (*concealment*), когда акторы стремятся избежать «обнаружения и манипулирования властями», либо как (б) «клиентарность» (*clientage*), когда акторы получают «защиту со стороны промежуточных уровней власти <...> за определенную цену»⁹⁸. В свою очередь, государство, по мнению Тилли, может выбирать из **трех «режимов контроля»: репрессии, толерантность и помощь**, которые соответствуют негативному, нейтральному и положительному отношению со стороны государства⁹⁹.

Кроме этих трех мы можем добавить **четвертый режим: поглощение** уже существующих незаконных группировок и сетей и их интеграция в криминальное государство путем замены и подчинения принадлежащих к ним акторов. Этот **режим** качественно **отличается от трех других**, поскольку те **не лишают сети доверия независимости**: скорее они рассматривают их как закрытые, автономные образования, с которыми государство либо борется, либо не обращает на них внимания, либо помогает им, но не предпринимает попыток реорганизовать их внутреннюю работу и заставить их членов служить новому хозяину. **Поглощение**, напротив, означает **лишение их независимости**, в результате чего верховный патрон получает контроль над сетью доверия, ее управлением и доходами. Когда независимость сети сломлена, она перестает выполнять **задачи по своему усмотрению** и начинает выполнять **заказы только** от верховного патрона. Так сеть доверия встраивается в однопирамидальную патрональную сеть, построенную на подчинении.

Криминальное государство идеального типа выбирает отношение **толерантности** и оставляет коррумпированные сети в покое, если затраты на репрессии / поглощение превосходят выгоды от них: например доход, который можно получить в случае обретения контроля над сетью. При этом государство становится на путь **репрессий** и пытается устранить низовую коррупцию, если усматривает в определенной сети конкурента и угрозу своей стабильности. Репрессии представляют собой традиционное отношение к несанкционированной противоправности в классической мафии и также наиболее типичны для посткоммунистических режимов, находящихся в сфере влияния Европейского союза. Действительно, «плата за крышу» возникает тогда, когда люди, живущие в подчинении мафии, вынуждены платить деньги в обмен на ликвидацию частного бандитизма, то есть в обмен на то, что мафия не позволяет их грабить никому, кроме себя¹⁰⁰. **В мафиозном государстве основная часть «неупорядоченной» коррупции на свободном рынке** аналогичным образом **устраняется** либо путем разрушения уже существующих сетей (репрессии), заключения с ними соглашения и обложения их налогом через переговоры (помощь), либо путем встраивания их в единственную организованную преступную группу в государстве (поглощение).

Если криминальное государство выбирает **режим помощи**, оно заключает соглашение с существующей сетью и начинает собирать с нее налог, не посягая ее независимость. Другими словами, лидеры сети (или, скорее, наиболее важные члены или «главари банды») сохраняют свое положение и могут продолжать выполнять свои задачи, а власти криминального государства не преследуют их, если сеть платит налоги и остается в пределах границ деятельности, которая была ранее согласована. Используя термин Тилли, мы можем обозначить этот вид сосуществования как **посредническую автономию** [♦ 2.2.2.2].

Когда криминальная сеть сталкивается с ситуацией, в которой верховный патрон стремится расправиться со своими врагами, более разумным для нее поведением является согла-

⁹⁸ Ibid. P. 34.

⁹⁹ Ibid. P. 103–107.

¹⁰⁰ Gambetta D. The Sicilian Mafia.

сие на посредническую автономию, нежели борьба с попытками установить над ней господство. Однако если она (а) борется с попыткой установить над ней господство, или (b) нарушает условия своего неформального соглашения, или (с) представляет собой серьезную угрозу монополии на власть приемной политической семьи, то такая сеть либо подвергается репрессиям, либо претерпевает поглощение. **В случае поглощения** под контролем верховного патрона оказывается ранее децентрализованный коррупционный бизнес. Эта ситуация аналогична национализации правомерной деятельности конституционным государством, после чего политическая элита может централизовать или децентрализовать монополизированную функцию. В мафиозном государстве, где коррупция является одной из основных функций государства, эта монополизированная функция может быть **централизованной или децентрализованной**. Если она централизована, это означает, что верховный патрон сам управляет этими сетями и облагает их налогом; если она децентрализована, то возможности для проведения коррупционных сделок передаются лояльным субпатронам в форме «**поблажек**» или «**системы франчайзинга**». Такая система означает не что иное, как санкционирование противоправности, если коррупционный доход, который можно получить, не превышает определенного размера¹⁰¹. (Те, кто получает коррупционные возможности, могут, в свою очередь, на местном уровне собирать и монополизировать различные каналы для осуществления коррупции.) Объем коррупционных поблажек ограничен, причем не только географически, но и в плане характера экономической деятельности. Верховный патрон централизует коррумпированные предприятия в рамках уже централизованных отраслей, приносящих высокую прибыль, таких как добыча природных ресурсов, и децентрализует коррумпированные предприятия, связанные с отраслями, для которых характерны низкая централизация и более низкие доходы, такие как некоторые виды розничной деятельности¹⁰². (Кроме того, когда криминальное государство решает прибегнуть к поглощению, верховный патрон и субпатрон могут также выстроить новые, альтернативные коррупционные сети, которые функционируют в соответствии с существовавшими ранее моделями.)

До этого момента мы рассматривали отношение криминального государства к коррупционным сетям. Однако среди несанкционированных противоправных акторов мы также находим **преступников**, которые занимаются незаконной деятельностью как таковой, а не потому, что злоупотребляют вверенными им полномочиями (грабеж, контрабанда, торговля людьми, торговля наркотиками и оружием и т. д.). **Верховный патрон может демонстрировать такое же отношение и к ним**. На протяжении всей истории, по мнению Тилли, «[власти], сталкивающиеся с хищными сетями доверия, такими как пираты и бандиты, выбирали, как правило, отношение к ним в диапазоне от репрессий через принудительные меры (ведя с ними борьбу напрямую) до оказания помощи посредством капитала (нанимая их в качестве каперов или наемников)»¹⁰³. Верховный патрон в таких случаях может выбирать репрессии, если он не заинтересован в преступной деятельности или считает ее слишком рискованной (как, например, в Венгрии)¹⁰⁴. Однако репрессии применяли в России, где преступные группировки, распространенные в период олигархической анархии, систематически подвергались атакам в ходе формирования однопиримидальной патрональной сети. В своей книге под названием «Ничто не правда и все возможно» Питер Померанцев задокументировал случай Виталия Дёмочки, бывшего бандита, ставшего кинорежиссером, наглядно демонстрируя, как путинское мафиозное государство решило **покончить с анархической несанкционированной преступно-**

¹⁰¹ Как пишут Леденева и Баез-Камарго, «[региональные] „каналы“ находятся под неформальным, но неустанным контролем. Как гласит русский анекдот, „государственных чиновников ловят не за то, что они воруют, а за то, что воруют не по чину“» (Baez-Camargo C., Ledeneva A. Where Does Informality Stop and Corruption Begin? P. 57).

¹⁰² Ср.: Мадьяр Б. Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. С. 227–238.

¹⁰³ Tilly C. Trust and Rule. P. 105.

¹⁰⁴ Tóth D., Gál L. I., Kóhalmi L. Organized Crime in Hungary // Journal of Eastern-European Criminal Law. 2015. № 1. P. 22–27.

стью и заменить ее централизованным контролем патриархальной главы приемной семьи, подобно классической мафии, упомянутой выше (см. Текстовую вставку 5.3).

Текстовая вставка 5.3: Бандит-режиссер и верховный патрон

В один из съемочных дней, когда шла работа над важной сценой, Виталий снял для этого целый рынок. В этой сцене молодого Виталия и его банду полиция хватала с поличным на рынке, когда они вымогали деньги у продавцов. Продавцы играли сами себя, а полицейских наняли, чтобы они играли полицейских. <...> Его банда была также и съемочной группой. Кто осмелился бы опоздать на площадку, когда на ней командуют профессиональные убийцы? <...> Три года назад я видел его последний раз. Но многое напоминало мне о нем. Каждую неделю на останкинских каналах разыгрывается небольшое представление. Президент сидит во главе длинного стола. По обе стороны от него сидят губернаторы регионов: западного, центрального, северо-восточного и так далее. Президент по очереди указывает на них, и они отчитываются о том, что происходит в их владениях. «Террористы распоясались, пенсии не выплачиваются, топлива не хватает...» Губернаторы выглядят окаменевшими. Президент играет с ними, чистый Виталий. «Ну, если вы не можете навести у себя порядок, мы всегда можем подыскать другого губернатора...» Я долго не мог вспомнить, что мне напоминает эта сцена. Но потом я понял: да она же прямо из «Крестного отца», когда Марлон Брандо собирает главарей мафии из пяти районов. <...> И это соответствует имиджу Кремля и [президента Путина]: он одет как мафиозный босс (черная рубашка-поло, поверх которой черный костюм), а его эффектные фразы происходят из бандитского жаргона («мы и в сортире их замочим»). Я усматриваю здесь следующую логику политтехнологов: кого люди уважают больше всего? Бандитов. Так давайте сделаем нашего лидера похожим на бандита, пусть он ведет себя как Виталий. [Позднее] Виталий приехал на вокзал, чтобы встретить меня. [Он сказал:] «Я залег на дно. Стараюсь не показываться в Москве: слишком много ментов, которые хотят проверить документы. В моем городе всех убрали, всех до последнего из моей банды. Мне не с кем было бы снимать, даже если бы я смог собрать деньги»¹⁰⁵.

С другой стороны, в современной России, при более консолидированном путинском режиме [♦ 4.4.3.2] **криминальные группировки** довольно часто **привлекаются** для выполнения определенных задач. По сути, эти преступники становятся силовыми предпринимателями, которые вступают в принудительное партнерство с верховным патроном, не представляя угрозы его монополии на насилие [♦ 2.5.1]. Такие группировки могут выполнять различные услуги, от поддержания порядка до запугивания и устранения конкурентов. В таких случаях отношения государства и организованной преступности взаимовыгодны и ведут к взаимному укреплению¹⁰⁶. То же самое можно наблюдать и в отношении **российских хакеров**. Как сообщает Даниил Туровский, бывшие «мятежные» компьютерные пираты превратились в «солдат Путина». После российско-грузинского конфликта 2008 года и их участия в нем, на тот момент добровольного и патриотически мотивированного, хакеры «регулярно участвуют в

¹⁰⁵ Pomerantsev P. Nothing Is True and Everything Is Possible. New York: Public Affairs, 2014. P. 30–32.

¹⁰⁶ Stephenson S. It Takes Two to Tango.

работе, иногда под принуждением и в результате угроз уголовными делами»¹⁰⁷. Лояльность хакеров, используемая как против иностранных акторов, так и против внутренней оппозиции, обеспечивается, говоря на нашем языке, выборочным правоприменением и компроматом. В их случае, как и в случае с членами приемной политической семьи, шантаж и защита идут рука об руку. Как пишет Туровский, «среди русскоязычных хакеров существуют некие секретные правила. [Одно] из них – „Не работать на домене. ru“ <...>. Есть и другие, несекретные правила: если вы взламываете и находите что-то, что может заинтересовать „режим“, поделитесь с ним этой находкой, а когда они просят вашей помощи в патриотических вопросах, сотрудничайте. Отказ следовать этим негласным правилам считается уголовным преступлением»¹⁰⁸.

В то время как в некриминальных государствах организованная преступность может участвовать в криминальном захвате государства и присваивать определенные элементы государственного сектора (как, например, в Китае)¹⁰⁹, в криминальном государстве **верховный патрон может регулировать деятельность организованной преступности** или поглощать ее, предоставляя ей возможность постоянно играть существенную роль в политической системе. В качестве примера здесь можно упомянуть черногорского олигарха Мило Джукановича, которого прокуратура Неаполя связывала с организованной преступной группировкой, занимающейся контрабандой сигарет в 2003 году¹¹⁰. Примером соглашения с криминальной сетью, согласно информации, собранной одним из авторов этой книги, является ситуация, когда в 2016 году в Узбекистане узбекское криминальное государство урегулировало вопрос незаконного обмена валют криминальными организациями (которые ранее разработали эту систему в стране). Можно сказать, что люди, занимавшиеся незаконным обменом валют в Узбекистане, добились посреднической автономии, так что государство проявило к ним отношение, обозначенное как помощь. Узбекская полиция разрешила эту преступную деятельность, и при этом те же полицейские подключились к сети незаконного обмена валюты, собирая «налоги» с тех, кто им занимается, а деньги были доставлены через начальника полиции, то есть местного субпатрона, верховному патрону. Полученную прибыль распределили среди участников сети¹¹¹.

Итак, если подвести итог, то мы можем использовать терминологию Тилли для описания различных форм сосуществования криминального государства и разновидностей несанкционированной противоправности (Таблица 5.4). По его мнению, их можно понять в рамках концептуального пространства, которое охватывает три идеальных типа отношений: (1) **сегрегация** незаконных элементов от публичной сферы (например, когда государство относится к ним враждебно); (2) **установленная через соглашение связь** между незаконными элементами и публичной сферой (например, в случае посреднической автономии); и (3) **интеграция** незаконных элементов в публичную сферу¹¹². В случае некриминального государства интеграция означала бы, что акторы, прибегающие к несанкционированной противоправности, то есть к любой незаконной деятельности, теперь признаются законом. В криминальном государстве интеграция означает поглощение либо ситуацию, когда незаконная сеть остается таковой, но в дальнейшем ею управляет приемная политическая семья.

¹⁰⁷ *Turovskij D. Orosz hekkerek: Így lettek lázadókból Putyin katonái* [Русские хакеры: как бунтари стали солдатами Путина]. Budapest: Athenaeum, 2020. P. 147.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 158.

¹⁰⁹ *Wang P. The Increasing Threat of Chinese Organised Crime // The RUSI Journal. 2013. Vol. 158. № 4. P. 6–18.*

¹¹⁰ *Griffiths H. Smoking Guns: European Cigarette Smuggling in the 1990's // Global Crime. 2004. Vol. 6. № 2. P. 185–200.*

¹¹¹ Подробнее об узбекском организованном надполье и его связях с организованным подпольем см.: *Chayes S. Thieves of State: Why Corruption Threatens Global Security. New York: W. W. Norton & Company, 2015. P. 101–117.* С 2016 года ситуация могла измениться, так как в конце 2019 года Узбекистан отменил оставшиеся валютные ограничения (то есть узбекский сум теперь можно свободно обменивать).

¹¹² *Tilly C. Trust and Rule. P. 30–36.*

Таблица 5.4: Режимы контроля над несанкционированной противоправностью и их последствия в криминальном государстве

	Действия криминального государства в отношении несанкционированной противоправности	Форма сосуществования (последствия действий государства)
Репрессии	борьба / ограничения	сегрегация (устранение несанкционированной противоправности или «частного бандитизма»)
Толерантность	предоставление свободы действий	сегрегация (прекращение притеснений незаконных акторов)
Помощь	соглашение	установленная через соглашение связь (посредническая автономия незаконной сети / преступники предоставляют свои услуги в качестве силовых предпринимателей)
Поглощение	лишение независимости	интеграция (незаконная сеть управляется приемной политической семьей)

5.3.4.3. Криминальная экосистема: национальный и мировой уровень

В предыдущей части мы описали типы сосуществования незаконных элементов, включая санкционированную и несанкционированную противоправность. Для описания противоправного сообщества акторов мы предлагаем использовать термин «криминальная экосистема»¹¹³:

♦ **Криминальная экосистема** – это сообщество публичных и частных акторов вне закона, действующих как система на территории определенного географического региона.

Сегрегация, связь, установленная через соглашение, и интеграция описывают основные модели криминальных экосистем в определенном режиме. При сегрегации в криминальном государстве мы можем наблюдать экосистему сильного криминального государства с несанкционированной противоправностью малых или средних масштабов либо потому, что государство делает все возможное, чтобы устранить ее (репрессии), либо потому, что она была настолько незначительной, что криминальное государство оставило ее без внимания (толерантность). В случае связи, установленной через соглашение, криминальная экосистема может быть описана, если воспользоваться метафорой из биологии, как **паразитический симбиоз**: приемная политическая семья регулирует деятельность существующих незаконных сетей и вынуждает их подчиняться и платить налог. Взамен такие сети сохраняют свою независимость, а их незаконный бизнес освобождается от притеснений со стороны правоохранительных органов и других правовых институтов. Наконец, в случае интеграции криминальное государство трансформирует криминальную экосистему таким образом, что ранее несанкционированная проти-

¹¹³ Мы заимствовали термин «криминальная экосистема» у Мойзеса Наима, который использует его в статье как фигуру речи, но не дает ему определение. См.: *Naím M. Mafia States*. Без какой-либо связи с нашей темой этот термин также использовался в научной литературе по киберпреступности. См., например: *Yang C. et al. Analyzing Spammers' Social Networks for Fun and Profit: A Case Study of Cyber Criminal Ecosystem on Twitter // Proceedings of the 21st International Conference on World Wide Web, 2012. P. 71–80.*

воправность становится санкционированной и расцветает под управлением приемной политической семьи.

Мы можем расширить наше понимание криминальной экосистемы двумя способами. Первый из них вытекает из того факта, что до этого момента мы описывали несанкционированных незаконных акторов как группы или объединения, которые связаны с другой группой, приемной политической семьей. Однако динамику криминальной экосистемы можно также проанализировать на индивидуальном уровне, сосредоточив внимание на **индивидуальном пути от незаконной частной сферы к публичной**. В отношении этого феномена социолог Светлана Стивенсон цитирует Жана-Франсуа Байарта и отмечает, что грамшианские понятия «молекулярного процесса» сплавки и «взаимной ассимиляции» могут использоваться, когда люди из частной сферы (1) переходят в публичную «через личные сети, обмен услугами и экономические возможности, а также членство в благотворительных организациях и политических партиях» и (2) встраиваются в высшие уровни государственной бюрократии»¹¹⁴. Так, в посткоммунистических режимах можно было наблюдать, **подобно зеркальному отражению криминализации государства, декриминализацию бывших членов преступного подполья**, которые стали частью публичной сферы и начали политическую карьеру. Примером тому может служить бывший молдавский верховный патрон Владимир Плахотнюк, которого Интерпол и занимающиеся расследованиями журналисты обвиняют в связях с российской мафией, а также в отмывании денег, торговле людьми, вовлечении в проституцию и причастности к «эскадронам смерти», ответственных за убийство нескольких криминальных элементов¹¹⁵. В момент вхождения в сферу политической деятельности такие акторы, **как правило, перестают быть криминальными авторитетами**, то есть акторами, ведущими незаконную экономическую деятельность с незаконным доступом к ней, и **превращаются в олигархов или полигархов**, то есть акторов, осуществляющих законную экономическую деятельность с незаконным доступом к ней. Такие индивидуальные трансформации и переход из криминального подполья в криминальное надполье характерны для политических систем, переживших смену режима, а после нее период олигархической анархии.

Второй способ расширения поля для анализа криминальных экосистем вытекает из того факта, что до этого момента мы определяли «географический регион» как определенную политическую систему, иными словами, речь шла о **национальных криминальных экосистемах**. Противоположностью им являются **мировые криминальные экосистемы**, которые включают в себя незаконные элементы по всему миру и работают как система. С одной стороны, это означает, что полигархи и олигархи из разных стран связаны друг с другом либо добровольно и для взаимной выгоды, либо в результате принудительного подчинения более могущественному верховному патрону¹¹⁶. С другой стороны, олигархи и полигархи могут быть связаны также с международными преступными организациями или сетями. Как указывает Оливер Буллоу, это необходимо, потому что, хотя члены приемных политических семей могут заниматься **воровством** и внутри страны, они должны **скрывать** эти деньги либо от властей, либо от общественности. Кроме того, они хотят их **тратить**¹¹⁷. Таким образом, олигархи и полигархи при содействии брокеров-коррупционеров [♦ 5.3.3.2] используют схемы для **отмывания денег**, в которых участвуют финансовые институты по всему миру, предлагающие услуги хранения денег без лишних вопросов к вкладчикам и не отвечая на вопросы вла-

¹¹⁴ Stephenson S. It Takes Two to Tango. P. 414. Также см.: Bayart J.-F. The State in Africa: The Politics of the Belly. Cambridge; Malden, MA: Polity, 2009.

¹¹⁵ Miller A. Moldova under Vladimir Plahotniuc.

¹¹⁶ Ср.: Deák A. Captured by Power: The Expansion of the Paks Nuclear Power Plant // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State. P. 323–344; Bullough O. The Dark Side Of Globalization // Journal of Democracy. 2018. Vol. 29. № 1. P. 25–38.

¹¹⁷ Bullough O. The Dark Side Of Globalization. P. 33.

стей (см. Текстовую вставку 5.4)¹¹⁸. По мнению Александра Кули, Джона Хизершоу и Джейсона Шармана, услуги, предлагаемые для этих целей как криминальному подполью, так и криминальному надполью, можно разделить на две группы¹¹⁹:

Текстовая вставка 5.4: Мировая криминальная экосистема

Такое количество денег [нельзя] спрятать под матрацем или передать во время рукопожатия. Управление такими большими суммами [требует] банков, готовых принять деньги, не задавая лишних вопросов <...> и способов, с помощью которых политики могут использовать свои незаконные средства для покупки предметов роскоши. <...> И это становится возможным благодаря оффшорным финансовым услугам. <...> Человек с грязными наличными деньгами может купить яхту, используя банковский счет в Швейцарии, который контролируется фондом в Лихтенштейне, который находится под контролем ограниченного партнерства в Великобритании, которое принадлежит компании в Белизе, которая принадлежит трасту на Маршалловых островах. Количество возможных юрисдикций практически безгранично, и каждая из них дополнительно скрывает взаимосвязь между воровством и расходами. <...> Бессмысленно спрашивать, является ли Россия клептократией. Более уместно рассмотреть вопрос о том, каким образом российские элиты являются частью целой клептократической системы, посредством которой их хищения из государственного бюджета через шотландские ограниченные партнерства и банки Молдовы или Латвии связаны с лондонским рынком недвижимости¹²⁰.

• **оффшорные финансовые услуги**, которые особенно необходимы на этапе сокрытия денег. В число таких услуг входит хранение незаконных средств в банках, а также «систематическое использование подставных компаний» состоятельными людьми, олигархами и полигарами, «которые хотят сохранить свою личность в тайне». О постсоветских странах авторы пишут, что «оффшорный аутсорсинг и построение государства были тесно связаны, а режимы и правящие семьи накапливали личные состояния, направляя на иностранные счета ренту, полученную от государственных активов, таких как предметы потребления, иностранная помощь и продажа предприятий советских времен или прибыль от них»;

• **мировая бездонная бочка недвижимости**, которая особенно необходима на стадии расходов. Авторы поясняют, что «как только деньги „очищены“ через сети компаний, их владельцы могут использовать их для достижения [своих] общественных или политических целей и <...> удовлетворения бизнес-интересов». Таким образом, они превращают мировой рынок элитной недвижимости, который авторы называют «бездонной бочкой» из-за того, что «иностранцы вкладывают в него миллиарды долларов ежегодно, смешивая там незаконные и законные средства, в активы, которые защищены западными законами о собственности».

Последнее предложение особенно важно, поскольку оно указывает на ироничную ситуацию, когда для **нормального функционирования** криминальному государству **требуется наличие некриминальных государств**, поскольку последние ограничены в своем доступе к частным экономическим предприятиям, либо потому что (а) государственные институты не

¹¹⁸ Подробнее о знаменитой российской схеме встроеной коррупционной прачечной см.: Miller A. Moldova under Vladimir Plahotniuc. P. 125–152.

¹¹⁹ Cooley A., Heathershaw J., Sharman J. C. Laundering Cash, Whitewashing Reputations. P. 42–44.

¹²⁰ Bullough O. The Dark Side Of Globalization. P. 28–34.

находятся в руках одного верховного патрона, который мог бы использовать их хищническим образом, либо (b) потому что страна является либеральной демократией, где **владелец подставных компаний защищены всеми институтами и законами, разработанными для отделения рынка от политической сферы социального действия**. Такое положение дел широко эксплуатировали приемные политические семьи и отдельные преступники, от Венгрии до России и Центральной Азии¹²¹.

5.3.4.4. Использование коррупционных средств: потребление, накопление и инвестирование в экономику и политику

Мы подробно описали различные формы сговора и коррупционных механизмов, однако уделили недостаточно внимания **непосредственному результату и цели коррупции – деньгам**. До этого мы рассматривали проекты госзакупок как один из источников ренты, а в дальнейшем будут подробно рассмотрены и другие методы накопления личного состояния (присущие рентоориентированному, клептократическому и хищническому государствам [♦ 2.4.3]). Однако мы не рассматривали способы применения коррупционных денег. А между тем, как мы упоминали выше, причина, по которой члены приемных политических семей вынуждены участвовать в схемах по отмыванию денег, заключается в том, что они хотят тратить, то есть использовать свои деньги в различных целях после их извлечения из государственного бюджета.

Среди этих целей можно выделить **четыре разновидности типичного применения коррупционных денег приемными политическими семьями**:

- **потребление**, то есть прямая трата средств на товары и услуги для удовлетворения прихотей олигархов и полигархов (покупка предметов роскоши, таких как автомобили, яхты, дома, наручные часы и т. д.)¹²²;

- **накопление**, то есть аккумуляция денежных средств на оффшорных счетах и в формально частных руках экономических подставных лиц [♦ 3.4.3] для (1) будущего потребления и (2) различных непредвиденных ситуаций (включая потенциальное отстранение от власти)¹²³;

- **инвестирование в экономику**, то есть использование денежных средств для формирования экономического аппарата приемной политической семьи, который состоит из экономических подставных лиц, оффшорных фирм и разнообразных только что основанных и захваченных политической семьей компаний-трофеев [♦ 5.5.4]¹²⁴;

- **инвестирование в политику**, то есть использование денежных средств для формирования политического аппарата приемной политической семьи, который состоит из СМИ, партии – «приводного ремня», (фейковых) «оппозиционных» партий и политиков, чиновников, ГОНГО, аналитических центров и т. д.

Коррупционные деньги и патрональные способы их применения **играют существенную роль в выживании приемных политических семей** как в патрональных демократиях, так и автократиях. Пожалуй, кроме разве что потребления, которое (особенно если оно выставляется напоказ) может скорее привести к потере популярности и снижению шансов на

¹²¹ Cooley A., Heathershaw J. Dictators Without Borders: Power and Money in Central Asia. New Haven: Yale University Press, 2017.

¹²² Dawisha K. Putin's Kleptocracy; Brückner G. Étel-ital, autók, ruhák: fogyasztanak a NER aranyifjai [Еда, напитки, автомобили и одежда: на что тратят деньги нувориши из NER] // Index.hu. 19.12.2017. URL: https://index.hu/gazdasag/2017/12/19/etel-ital_autok_ruhak_-_igy_elnek_a_ner_aranyifjai_iii/.

¹²³ Yuichi Kono D., Montinola G. Does Foreign Aid Support Autocrats, Democrats, or Both? // The Journal of Politics. 2009. Vol. 71. № 2. P. 704–718.

¹²⁴ Brückner G. Mibe fektetnek a NER-lovagok? [Во что инвестируют лидеры NER?] // Index.hu. 05.01.2018. URL: https://index.hu/gazdasag/2018/01/05/a_ner-lovagok_beruhazasi_befektetesi_szokasai_iv._resz/.

выживание¹²⁵, три остальных способа способствуют продлению срока жизни неформальных патрональных сетей. Первый, наиболее очевидный способ, направленный на их поддержание, – это **инвестирование в политику**, при помощи которого главные патроны могут расширять свою политическую империю, особенно через вовлечение в этот процесс СМИ. В патрональных демократиях конкурирующая патрональная сеть, независимо от того, обладает она полнотой власти или нет, используя собственные средства массовой информации, которые формально находятся в частных руках [♦ 5.5.3.5], может гарантировать, что ее повестка будет на слуху на общенациональном уровне. По той же причине СМИ играют важную роль и в патрональных автократиях, однако там однопиримидальная патрональная сеть доминирует на (частном) медиарынке, расставляет политические приоритеты и занимается как позитивной, так и негативной пропагандой (например, криминализацией оппозиции, выпуском сюжетов о нелояльных или выбранных в качестве объекта атаки акторах), независимо от того, обладает она властью или нет. Это означает, что, если верховный патрон был отстранен от власти мирным путем и при этом не был вынужден покинуть страну и возвратить материальные активы своей сети, он может продвигать через свою медиаимперию предпочтительную для него повестку, которая может даже подготовить почву для его возвращения во власть [♦ 4.4.4].

Второй способ, продлевающий срок жизни патрональной сети, – это **накопление**. Если в патрональных демократиях неформальная патрональная сеть лишается власти в пользу своего конкурента, ее выживание принципиально для воспроизводства политической системы. Циклические изменения и их неослабевающий потенциал необходимы для поддержания динамического равновесия патрональных демократий [♦ 4.4.2], которое обеспечивается через предотвращение господства какой-либо одной патрональной сети и недопущение ситуации, при которой одна из недавно созданных правящих патрональных сетей может полностью лишиться активов (экономических и политических) своих конкурентов. Когда господствует только одна патрональная сеть, то есть в патрональных автократиях, наблюдается та же ситуация, в первую очередь потому, что **накопленное состояние и компании находятся не в руках партии правящей элиты, а в руках формально частных акторов**. Это означает не только то, что такая партия и ее формальное руководство не влияют на способы расходования этих денег в реальности (отсюда и название: партия – «приводной ремень» [♦ 3.3.8]). С точки зрения ее выживания, накопление средств в формально частных руках **обеспечивает безопасность имущества на случай смены режима**. Здесь можно провести аналогию с упомянутыми выше некриминальными государствами, которые уважают права собственности по западному образцу и не могут конфисковать или заморозить иностранные банковские счета представителей власти криминальных государств. Так же обстоят дела и с новой демократической правящей элитой (в маловероятном случае ее прихода к власти), поскольку она привержена легально-рациональной легитимности и правам собственности западного типа и не может просто экспроприировать активы приемной политической семьи. **Приемная политическая семья, несомненно, обладает необходимыми ресурсами, либо для того, чтобы сбежать, если олигарх / полигарх должен покинуть страну, либо перестроить и сохранить свою неформальную структуру**, если приемная политическая семья теперь вытеснена в оппозицию. Олигархи приемной политической семьи все еще могут финансировать неформальные патрональные сети и управлять своими СМИ, оказывая влияние на страну. Кроме того, накопление может быть полезно в периоды экономических кризисов [♦ 7.4.7.3], когда члены приемной политической семьи все еще могут кормиться у принадлежащей ей «кормушки», и таким образом ее шансы на поражение снижаются. Как отмечают Померанцев и Вайс, оффшорные финансовые институты упрощают отмывание денег автократа, что «радует

¹²⁵ Ср.: *Lyebyedyev Y., Makhortykh M. #Euromaidan: Quantitative Analysis of Multilingual Framing 2013–2014 Ukrainian Protests on Twitter // 2018 IEEE Second International Conference on Data Stream Mining Processing (DSMP), 2018. P. 276–280.*

элиты, одновременно давая [верховному патрону] рычаг, который может быть применен против них в любой момент, обеспечивающий их лояльность и вызывающий у них подходящую степень паранойи»¹²⁶.

Хотя перемещение коррупционных денег за границу дает преимущества легализации этой добычи под защитой западных правовых систем, оно также выводит их из-под юрисдикции приемной политической семьи. Это можно назвать серьезным недостатком, если речь идет об **инвестировании в экономику**, где дискреционное вмешательство государства является важнейшим компонентом успешного функционирования компаний приемной политической семьи [♦ 5.5.4.3]. Поэтому инвестирование происходит как во внутреннюю, так и во внешнюю экономику, при том что **национальные компании участвуют в производстве коррупционных денег, а также способствуют выживанию патрональной автократии**. Поскольку члены приемной политической семьи прибирают к рукам все стратегические отрасли и инфраструктуру, они приобретают **рычаги влияния на экономических акторов внутри страны и за рубежом**. В первом случае по мере расширения экономической империи **все больше и больше людей начинают работать в компаниях приемной политической семьи** либо в качестве наемных работников, либо подрядчиков. Таким образом, большое количество избирателей и их семей получают стимул для поддержки правящей политической элиты, поскольку они могут (не без оснований) рассматривать ее в качестве основной причины процветания компании их работодателя, тогда как возможная смена режима может вполне представлять собой угрозу их трудоустройству [♦ 6.2.2.3]. Что касается иностранных акторов, то наиболее важным источником рычагов, способствующих выживанию режима путем создания более благоприятной геополитической обстановки, является **асимметричная взаимозависимость, возникающая через глобальные рынки**. Если существуют определенные важные товары, которые поставляет в страну только одна конкретная патрональная автократия, и при этом эта автократия не находится в зависимом от этой страны положении, подобные рычаги влияния имеются у нее в наличии. Такие страны становятся фактически клиентами верховного патрона, по крайней мере в той степени, в которой они не могут (политически) позволить себе слишком высокие цены на товары, поставляемые приемной политической семьей. Россия активно использовала такие рычаги влияния, например занимаясь «газ-промовской дипломатией» через дискреционный контроль над своими поставками природного газа и нефти [♦ 7.4.3.2]¹²⁷.

5.3.5. Реляция в коммунистических диктатурах

5.3.5.1. Тотальное подчинение и три экономики

До этого момента мы рассматривали реляцию в капиталистической среде, то есть в тех политических системах, где есть свободный рынок, и сравнивали различные случаи сговора частных акторов с публичными. Мы показали, как можно подойти к пониманию коррупции, когда сферы социального действия отделены друг от друга, и как из этого может возникнуть ситуация, когда сферы социального действия смешиваются. **Теперь**, чтобы представить полную картину, **мы обратимся к коммунистическим диктатурам, где сферы социального действия слиты**. При таком положении дел **социальные акторы полностью подчинены** партии-государству, но формальным образом, что подразумевает однопартийную систему и монополию государственной собственности. Из этого следует, что, в отличие от описанных

¹²⁶ Pomerantsev P., Weiss M. The Menace of Unreality. P. 22–23.

¹²⁷ Lough J. Russia's Energy Diplomacy // Briefing paper. The Means and Ends of Russian Influence Abroad Series. Chatham House, 2011.

выше ситуаций, в коммунистических диктатурах **отсутствуют частные экономические акторы**, при том что права частных общинных акторов тоже ограничены.

Чтобы понять тип коррупции и ее роль в коммунистических диктатурах, необходимо рассмотреть, какие уровни составляют коммунистическую экономику. Мы полагаем, что в таких режимах сосуществуют три экономические модели¹²⁸. Государственная собственность является основой **«первой экономики»** и определяющей силой экономической системы, которая установилась после волны национализации (коллективизации). Если существует частный бизнес, который допустим в ограниченной мере и при этом связан с государственным сектором, то он представляет собой **«вторую экономику»**

¹²⁸ *Juhász P.* Társadalmi Együttműködés Az Első, a Második És a Harmadik Ökonómiában [Общественное сотрудничество в условиях первой, второй и третьей экономики] // Fogyasztói Szolgáltatások. 1981. № 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.